

**ГОУ ВПО «САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Д.Б. ПЕТРОВ

История Западной философии: Психоанализ

Учебное пособие

САРАТОВ

2014

Петров Д.Б. История Западной философии: Психоанализ. Учебное пособие. – Саратов, 2014. - 77 с.

Учебное пособие «История Западной философии: Психоанализ» призвано дать студентам углубленное знание историко-философской темы «Психоанализ». В учебном пособии представлен лекционный материал, в котором в сравнении раскрываются идеи психоаналитической мысли З. Фрейда, К. Юнга и Ж. Лакана, а также специально рассматривается вопрос эпистемологического статуса психоанализа так, как он развивался в истории философии на протяжении всего XX века.

После каждой темы учебного пособия имеются списки вопросов для самопроверки, заданий для самостоятельной работы и рекомендуемой литературы. Учебное пособие может успешно применяться при изучении спецкурса «Введение в психоанализ», при написании самостоятельных курсовых и дипломных работ.

Рекомендовано учащимся по направлению подготовки «Философия» «Религиоведение», «Теология», «Педагогическое образование», аспирантам и преподавателям, а также всем интересующимся вопросами истории философии и психологии.

Рекомендовано к печати

кафедрой теологии и религиоведения

Саратовского государственного университета

имени Н.Г. Чернышевского

рецензент – доктор философских наук, профессор В. А. Фриауф

©Петров Д.Б.

Содержание

Введение.....	4
Тема 1. Сравнительный анализ идей З. Фрейда, К.Г. Юнга и Ж. Лакана.....	6
Вопросы для самопроверки.....	46
Задания для самостоятельной работы.....	46
Рекомендуемая литература по теме.....	47
Тема 2. Эпистемологические проблемы психоанализа.....	48
Вопросы для самопроверки.....	76
Задания для самостоятельной работы.....	77
Рекомендуемая литература по теме.....	77

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Введение

В учебной дисциплине «История западной философии» тема «Психоанализ» занимает особое место. С одной стороны, - психоанализ нельзя однозначно причислить к философии, так как это все же направление в психологической мысли. Однако и к психологии его так же без множества оговорок причислить нельзя. Эта его специфика в топологии наук делает психоанализ сложным направлением для интерпретаций историко-философского характера. С другой стороны, психоанализ, это направление западной (в самом начале) и общемировой (на сегодняшний день) мысли. И как таковой он (психоанализ) может и должен быть подвергнут рефлексии, в том числе и со стороны истории философии. Оказав сильнейшее влияние на развитие западной и общемировой мысли, методов философского, психологического и лингвистического анализа, психоанализ не может не рассматриваться как важнейшая часть истории западной философии.

Психоаналитическая теория сложна и многообразна и ставит перед мыслящим человеком ряд существенных вопросов. Один из них касается *эпистемического статуса* психоанализа, его сопричастности росту научного знания. Все указанные выше моменты очень часто вызывают сложности у студентов, при изучении данной темы. Ситуация осложняется еще и тем, что за отведенные на данную тему лекционные часы, студенты успевают едва ознакомиться с «банальным» материалом, таким как История психоанализа и Основные ее представители. Дальнейшее же углубление темы, как правило выходит за рамки учебного процесса и остается на самостоятельное изучение. Учебное пособие «История Западной философии: психоанализ» ставит перед собой задачу более углубленного изучения данной темы (т.е. на более высоком рефлексивном уровне) студентами и предоставляет материал для более осмысленной и глубокой подготовки студентов к семинарским занятиям.

Данное учебное пособие по характеру является дополнительным, и предполагает обращение к нему тех студентов, которые усвоили основной краткий материал по теме «Психоанализ», а именно: история возникновения психоанализа, З. Фрейд и его основные идеи (топики), критика идей Фрейда его учениками- К. Юнгом и Э. Фроммом, возникновение неофрейдизма и дальнейшее развитие теории бессознательного.

В учебное пособие включены две темы. Тема 1 посвящена сравнительному анализу идей З. Фрейда, К. Юнга и Ж. Лакана. Акцент при

сравнительном анализе делается именно на Жака Лакана, так как, во-первых, его концепция чаще всего исключается из учебного материала аудиторных часов, и во-вторых, теория Лакана привела к лингвистическому повороту не только в самом психоанализе, но и во многих гуманитарных науках. В теме 2 раскрывается проблема эпистемологии психоанализа, т.е. его эпистемического статуса как науки. Рассматриваются все за и против, критика и обоснование, при этом показывается историко-философская роль теории Лакана в решении вопроса о когнитивных возможностях психоаналитической теории.

После каждой темы расположен список вопросов для самопроверки, список заданий для самостоятельной работы и список рекомендуемой литературы по теме. Учебное пособие может успешно применяться при изучении спецкурса по «Психоанализу», при написании самостоятельных курсовых и дипломных работ. Учебное пособие соотносится с рядом общекультурных компетенций (ОК) и профессиональных компетенций (ПК) общеобразовательной программы (ООП).

Тема 1. Сравнительный анализ идей З. Фрейда, К.Г. Юнга и Ж. Лакана

Психоаналитическая теория является значительной частью не только истории философии, но и современной операциональной системы понимания и объяснения человеческой реальности. Теория эта не бесспорна и противоречива, но, тем не менее, продолжает устойчиво присутствовать в поле научного и философского внимания.

Теория бессознательного, сформулированная Фрейдом и получившая дальнейшее развитие в исследованиях различных психоаналитических школ и направлений, стала основанием для переосмысления проблемы субъекта и языка, новым способом анализа бытия и знания.

Несмотря на большое количество исследований, проблема бессознательного довольно слабо разработана в философии и отрефлексирована философами непропорционально той значимости, которую содержит в себе этот феномен. Сегодня очевиднее, чем когда-либо, что процессы во всех сферах человеческой реальности функционируют согласно иной логике, чем система сознания, т.е. своим рационально аргументированным дискурсивным полем они не исчерпываются. Это свидетельствует о необходимости и актуальности обращения философа к проблематике бессознательного и историка философии к реконструкции вопроса о бессознательном.

Концепции Фрейда, Юнга, Фромма и Лакана были в основном восприняты исследователями как универсальные объяснительные системы, в чем отчасти вина самих мэтров анализа, искушаемых такой трактовкой своих теорий. Вследствие этого нередко встречаются попытки обобщить частные выводы психоанализа до целостной, законченной теории. Думается, что общей границей метода надо признать то, что психоанализ всегда работает с деталями и отдельными феноменами, и поэтому должен избегать делать глобальные выводы и обобщения относительно общества вообще, человека вообще, души вообще.

С самого начала теория Фрейда перешагнула границы клиники и медицины. Несмотря на то что Фрейд настаивал на научном статусе своей теории и всячески стремился подчеркнуть свою непричастность философии, психоанализ с момента своего возникновения не только претендовал на широкое обобщение философского характера, но и включал в себя скрытую установку на создание особой психоаналитической философии. Фрейд и сам неоднократно писал, что его работы о толковании сновидений, об остроумии и ряд других с самого начала показали, что психоаналитическое учение не ограничивается областью медицины, а может быть использовано в различных науках о духе. Так и произошло - психоанализ не ограничился клиническими проблемами, а занял общесоциальные позиции.

Ближайшие ученики Фрейда Юнг, Адлер, Фромм, Хорни высказали сомнения по поводу эвристического значения той схемы объяснения, которую Фрейд, по существу, предложил для объяснения соотношения сознания и бессознательного: сознание представляет собой систему запретов по отношению к влечениям, которые тем самым подавлены и вытеснены в бессознательное. Новые теории о соотношении сознания и бессознательного становятся основой для более гибких и широких интерпретаций феномена

Лакановская концепция не лежит на поверхности текста, ее необходимо вычленять и реконструировать на основе заметок, внешне хотя и мало систематизированных, но, тем не менее, представляющих собой единое целое. В большинстве важных для своей теории положений Лакан вместо понятийной строгости прибегает к игре суггестивными намеками, словно демонстрирует своеобразный эквивалент языка бессознательного. Несмотря на всю видимую сложность, философия Лакана остается рациональной¹, а стиль изложения — академичным.

¹ Рациональность в понимании Лакана — это форма объяснения, обладающая силой понимания.

Лакан не причислял себя к философам, и его нельзя провести не по одному ведомству философских школ и направлений, он всегда оставался психоаналитиком (верным открытию Фрейда), даже когда обильно цитировал Платона и Гегеля, восторгался Аврелием Августином и Спинозой, ссылаясь на Канта и Сартра, находился под влиянием Кожева или Хайдеггера. Лакановский психоаналитический язык всегда оставался самодостаточным, т.е. равным самому себе. В чем же тогда необходимость перевода лакановских идей в поле философской универсальной экспертизы?

Думается, что философия сегодня возможна не только как поиск нового в том, что сложилось как история философии. Еще Витгенштейн высказывал идею о том, что философское определение возможно как перевод между различными языками. Выход из тупика современного философствования в *эkleктизме*, который просто открывает возможность новых языков для описания особого типа опыта, языку классического философствования не подвластного. Перевод психоаналитических идей и теорий Ж. Лакана в поле философских исследований соответствует, как думается, задаче современной философии, которая ищет место нового в парадоксе, в местах, где есть бессмысленность.

Единство критических и конструктивных задач сложилось в концепции Лакана не сразу и, к тому же, никогда не было монолитным. В творчестве Лакана обычно выделяют либо три периода, либо более упрощенно делят все на раннюю теорию и позднюю теорию. Оба способа установления периодизации лакановского творчества одинаково условны и приемлемы для данного историко-философского изложения в той мере, в которой помогают структурировать лакановские идеи и теории.

Предструктуралистский период (1930-1940). В этот период Лакан находился под влиянием экзистенциалистско-феноменологической мыслительной традиции и французского неогегельянства. Его критическая

задача в этот период — отмежевание от редукционистского ассоциативизма. Объект исследования — образный слой сознания (Воображаемое), несводимый к биологическим проявлениям. Метод исследования и терапии — фрейдовский метод свободных ассоциаций.

Структуралистский период (1950-1960). Критическая задача этого периода — решительное отмежевание и от ассоциативизма естественнонаучного толка, и от экзистенциально-феноменологических теорий психического. Главный объект исследования — символический слой сознания (Символическое), несводимый ни к биологическим импульсам, ни к образным структурам. Метод исследования — расшифровка языка бессознательного.

Постструктуралистский период (с середины 1960- 1970). Критическая задача этого периода — отмежевание от структуралистских концепций субъекта и языка. В этот период внимание Лакана обращено к той области сознания, что предшествует Воображаемому и недоступно Символическому — области Реального. Главный объект — непроницаемый «остаток» психики и сознания. Метод исследования — выявление эффектов Реального.

Таким образом, ранняя теория Лакана была направлена на то, чтобы выявить властвующий над Воображаемым символический закон. Акцент позднего Лакана смещается с разрыва между Воображаемым и Символическим на разрыв, отделяющий Реальное от символически структурированной реальности.

Понятия в лакановской теории находятся в процессе постоянных переформулирования, взаимоподстановок и взаимоопределения, обладая, главным образом, операциональным значением в зависимости от конкретного контекста и решаемой проблемы.

Лакановские тексты ориентированы не на готовое систематическое знание, а на процессуальный тренинг аналитического и философского

характера. В этом ключе нужно понимать высказывание Лакана о том, что его работы сложны для понимания и интерпретации, и их нужно объяснять так же, как объясняют симптом или сновидение². Последнее относится как к позиции автора, так и читателя.

Высказываются мнения, что за всей сложной системой рассуждений «Лакан скрывает некую онтологию, в которой не приходится сомневаться, поскольку он заговаривает о том, с чего начинают все онтологии, — о проблеме Бытия, его утешительном присутствии или об отсутствии и Ничтожности»³. Выявить эту онтологию, или правильнее сказать, онтологический аспект концепции Лакана, в сравнении с онтологией Фрейда, мы и попытаемся в этом учебном пособии.

Вышеприведенное высказывание Умберто Эко содержит указание на то, что мышление Лакана связано с вполне определенной, вполне узнаваемой философской онтологией. Действительно, влияние М. Хайдеггера на стиль и содержание лакановской философии очевиден. Лакан воспринял мысль о том, что собственное человеку бытие в мире — это проживание в языке, и принадлежность всеобщему лингвистическому горизонту означает для существующих, что их бытие сходно с бытием произведения искусства, что заключается оно в некотором самопредставлении, суть которого предстает в истолковании.

Специфика философского стиля Лакана заключается в том, что в своих работах он предлагает, скорее, различные модусы проблематизации фундаментальных феноменов человеческого опыта и правила порождения аналитического дискурса по поводу конкретного случая, нежели формулирует и решает психологические или метафизические проблемы. Тем не менее, относительно работ Лакана есть, по крайней мере, два повода говорить о его метафизике.

² Бенвенуто С. Мечта Лакана. СПб., 2006. С.14.

³ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. С. 437.

Первый связан с «узловой мыслью»⁴ Фрейда о том, что все разумные существа *бессознательно* управляются принципом *удовольствия* и *вожделения*. Лакан обозначит это так: «*субстанция наслаждения*». Эта субстанция, как и всякая другая, имеет метафизический характер. Она является базовым допущением, никогда не ставящимся под вопрос, парадигмой, точкой отсчета, *истиной Бытия*. «Энергетика наслаждения не поддается обоснованию»⁵. Лакан принимает это допущение, но дополняет понимание «удовольствия» как материальной причины действием причины формальной, как ее оборотной стороны. Это оборотная сторона есть структура *языка* как чисто формальная организация.

Второе метафизическое допущение выкристаллизовывается уже непосредственно в лакановской философско-психоаналитической системе. Суть его в следующем: существует *Реальное*, которое отличается как от объективной, так и от математической реальности, *вещь*, имеющая реальную значимую причинную силу, но расположенная между объективными причинными связями и логическими выводами. Данную причину не свести ни к одной из четырех выделенных Аристотелем (действующей, целевой, материальной и формальной). Эта значимая причина обладает силой, которая влияет на субъект изнутри. Для Лакана принципиально важно принять понятие такой *вещи*, для которой у нас нет понятия, *признать понятие, которому недостает понятия*. Единственно доступным для этого языком оказывается понятийный язык метафизики. Существование этого *Реального*, этой причины, доказать трудно, но именно в ее постулировании некоторые

⁴ Узловая мысль, по определению Хайдеггера, есть уникальный постулат о сущности Бытия.

⁵ Лакан Ж. Телевидение. М., 2000. С. 34.

историки философии видят ценность современного психоанализа и возможности его выживания в новом тысячелетии⁶.

В. Лейбин, указывая на причины популярности философии Лакана, пишет: «Переосмысление западной этики и традиционных подходов к решению метафизических проблем, ниспровержение концепции субъективности, установление диалога между отдельным человеком и окружающим его миром составили основу проекта нового отношения к реальности. Лакан придал этому проекту концептуальную форму, выступив с критикой рациональных функций сознания и сосредоточив внимание на проблеме *желания* индивида, рассмотренного через призму желания “другого”»⁷. В первую очередь, это проект нового понимания реальности субъекта. Это еще одна метафизическая перспектива, которая связана с перспективой психоаналитического осмысления субъекта. В лакановской мысли эта перспектива касается онтологии множественного и единого и связана с переосмыслением классической категории субъекта.

Само метафизическое понятие «субъекта» оказывается в психоаналитической традиции под вопросом. Субъект возможен лишь ввиду своей нецелостности, расщепленности, возможен тогда, когда имеется некий материальный остаток, сопротивляющийся субъективации, когда настойчиво утверждает свое действие некий избыток, в котором субъект не может себя распознать. Этот остаток в психоаналитическом опыте открывается как *травма*. Субъект расщеплен и существует благодаря оказывающейся вне его интимности, благодаря *Другому*.

Понятия *наслаждение/желание, язык, бессознательное, Реальное, травма, субъект, другой/Другой* вводят нас в лакановскую метафизику и

⁶ См.: Бенвенуто С. Мечта Лакана. СПб., 2006. С.137.; Автономова Н. С. Лакан: возрождение или конец психоанализа// Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4-х т. Тбилиси, 1985. Т.4. С. 128.

⁷ Лейбин В. Психоанализ: проблемы, исследования, дискуссии. М., 2008. С.383.

одновременно выступают основанием его методолого-концептуального аппарата.

Прежде чем обратиться к более масштабному рассмотрению основных понятий внутри лакановской системы, так или иначе проясняющих ее онтологический аспект, следует обозначить ту проблематику, которая занимает Лакана в его работах.

Ведущий замысел Лакана, главный вопрос, волнующий его, — это вопрос становления субъекта и тех условий, в которых это становление происходит, т.е. субъективность и процесс субъективации.

Итальянский лакановед С. Бенвенуто справедливо указывает на то, что «Лакан стремился построить описание субъекта как субъекта, по ту сторону объектов, фантазий и репрезентаций, конституирующих его мир»⁸. Лакану было важно показать, что субъект-как-субъект, разбирающийся в безграничной процессии означающих, через которую (процессию) он себя представляет, обнаруживается согласно определенным формам и динамике, описанным Фрейдом.

Согласно Лакану, феномен субъективности может стать действительно интеллигибельным лишь в том случае, если он будет рассмотрен в рамках своеобразной социальной диалектики «Я — другой/Другой». Начало этой диалектики закладывается на ранней стадии онтогенеза человека, которую Лакан выстраивает на основе клинического материала в своей работе «Стадия зеркала».

Поскольку Лакан был практикующим врачом и психоаналитиком, то может возникнуть закономерный вопрос: о какого рода субъективности говорит Лакан? О субъективности больного или нормального, здорового человека? До-фрейдовская психология и антропология в качестве объекта

⁸ Бенвенуто С. Мечта Лакана. СПб., 2006. С. 119.

исследования рассматривала, как правило, нормального, физически и психически здорового человека и исследовала на этой основе феномен сознания и поведения. Накопление новых клинических данных, неврологические наблюдения второй половины XIX в., заставили по-новому взглянуть на человека: он уже не представлялся целостным существом, разумно функционирующим в рамках существующих социальных и культурных структур. Многие теоретики были вынуждены констатировать несогласованность и разорванность между индивидуально-личностным и общественным, фиксируя болезненные симптомы раздвоения сознания личности, расщепленность самосознания человека и патологические отклонения от традиционно признанных норм разума и рационального бытия. Патология и норма, болезнь и здоровье, иррациональное и рациональное поведение индивида обнаружили отсутствие четких границ в реальном поведении человека. «Становится невозможным непротиворечивое объяснение непрерывности развертывания психических процессов»⁹. Здоровое функционирование психики личности не может быть определено как линейное, а такие феномены как фрустрация, невроз, тревога, отчуждение отнесены к временным локальным заболеваниям, не имеющим онтологического значения. Поведение, поступки, представления и речь человека находятся внутри постоянного напряжения между понятием определенным образом, здоровьем и болезнью, нормой и отклонением от нее.

Понятие нормы условно и при исследовании некоторых сфер человеческой деятельности непродуктивно. Разработанная Фрейдом система общепсихологических принципов позволила Лакану по-новому подойти к изучению особенностей человека и в рамках языковых структур найти способ различения нормы и патологии: «...именно построение речи, отношение значения к значению, соотношение речи больных с обычным

⁹ Лейбин В. М. З. Фрейд и К. Юнг: Попытки психоаналитического решения проблемы бессознательного// Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4-х т. Тбилиси, Т.1. 1978. С. 359.

порядком речи позволяют нам диагностировать бред»¹⁰. Такой способ оказался, однако, не беспроблемным, о чем будет сказано во второй главе.

Фрейдовское и лакановское понимание проблемы нормы и патологии не должно сводиться к выводу о том, что Эдипов комплекс выполняет функцию нормализации моральной структуры субъекта, отношений его с реальностью и нормализации усвоения им собственного пола, так как и у Фрейда, и у Лакана очевиден более глубокий философский план этой проблемы: как возможно, что субъект в условиях травматического бытия вообще может быть нормальным или больным. С точки зрения психоанализа всякий субъект рождается в травмах, расщеплении, с биологической недостаточностью, и говорить о гармонии с природой или обществом применительно к человеку наивно. Исходя из этого, психоанализ обращается не к больному субъекту, но субъекту испытывающему страдание, с целью его освобождения. Очевидно, что психоанализ исходит в своем понимании связи природы и субъекта не из платоновской философии, а скорее усваивает в этом отношении установку стоицизма. Если для Платона самопознание означает необходимость отвернуться от этого мира с тем, чтобы взглянуть на другой, то для Сенеки и стоиков это необязательно. Согласно их концепции, общая и абстрактная теория изучения природы интерпретируется как инструмент освобождения своего «Я». В этом смысле здесь налицо отход от той точки, в которой мы находимся, отход, заставляющий нас самих быть в наших собственных глазах тем, что мы суть, а именно точкой во всеобщей системе Вселенной. Это освобождение реально осуществляет взгляд, который мы можем направить на систему вещей, существующую в природе.

Лакановская антропология, выражаясь условно, в качестве фундаментального антропологического *начала* исходит из полагания травмы, некоторого неотвратимого опыта экзистенциальной негативности. Это опыт

¹⁰ Лакан Ж. Психоз и Другой// Метафизические исследования. Вып. 14. Статус иного. СПб., 2000. С. 201-217.

первоначальных объектов желания, которые соединяют в себе восприятие и усилие добыть из этого восприятия информацию о внешнем мире. В этом процессе человеческое тело эротизируется посредством ранних реакций-соприкосновений определенных участков тела с внешним миром. Травма Лаканом прочитывается как «преждевременность рождения» (анатомическая незавершенность пирамидальной системы, отсутствие моторной координации и т.д.)¹¹. Факт «преждевременности рождения» или некоторого не-до-развития человека очень важен для всей лакановской концепции, так как задает логику постановки вопроса о субъекте и его бессознательном.

С самого начала субъект определен собственной онтологической недостаточностью и неполнотой. Это положение предельно важно, так как указывает на то, что «неполнота», «нехватка», «ущербность», «отсутствие» лежат у самых истоков формирования онтологической структуры человеческого мира. Преждевременность рождения, нехватка, определяет (и подтверждает) то центральное для Лакана обстоятельство, что субстратом человеческой психики является *желание*, влечение к восполнению. Из факта «преждевременности рождения» выстраиваются все основные понятия лакановской концепции субъективности: *расщепленность*, *Другой*, *отчуждение*, *идентификация*, *первичное означающее (Единое)*, *Фаллос (означающее нехватки)*, *бинарное означающее (множественное)*, *бессознательное*. Преждевременность своего рождения, «нехватку человеческой реальности» ребенок компенсирует быстрой и безусловной ассимиляцией с внешним ему миром. Ребенок ассимилирует свой собственный зеркальный образ, «зрительный образ», *imago*. Потеря объекта любви (разрыв симбиотического единства с матерью) направляет ребенка на поиск замещающего объекта. В противоположность платоновской философии Лакан утверждает, что у нас есть основания в некотором смысле

¹¹ Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я// Кабинет: Картины мира I. СПб.,1998. С. 45.

отождествлять человеческую природу с телом, но из этого вовсе не следует, как полагал Платон, что интересы (желания) человека по причине этого отождествляются с потребностями тела. Дело в том, что Лакан всецело разделяет главный постулат *Феноменологии восприятия* Мерло-Понти о том, что тело есть исходный опыт моего сознания¹², и развивает его первоначально в рамках своей теории *imago*: человеческий ребенок открыт для установления отношений воображаемого порядка с образом собственного тела и образом тела другого.

Лакан подчеркивает, что первое желание ребенка слиться с матерью знаменует собой стремление быть тем, что желает сама мать. Не имея возможности прибегнуть к координирующей силе инстинктов, ребенок будет выстраивать отношения с реальностью «искусственным», *воображаемым* образом. Сущность воображаемого отношения — в зачарованности внешней идентификационной моделью, образом. Эта фундаментальная функция образа, по Лакану, и запускает диалектику травмы. Человек оказывается расщеплен на: 1) «Я», бесформенный, фрагментарный внутренний опыт, 2) «мое Я», внешнюю идеальную форму, в которую этот опыт облекается. Поскольку эта вторая форма, «мое Я», всегда находится на неустранимой дистанции, а условием целостной автономии, идентичности человека является совпадение этих двух составляющих личности, постольку вместе с ассимиляцией «моего Я» личность интериоризирует и саму эту «зеркальную» дистанцию, вводя неустранимый раскол, самоотчуждение в имманентную «онтологическую структуру» личности.

«Я» конституируется из интеграции «других» — образов и вещей, как отражение себя в них. Субъект не предшествует миру форм, которые его очаровывают: он конституируется ими и в них. Внешний мир не снаружи субъекта, но внутри него, Другой уже в нем. Это и есть суть отчуждения, какой ее видит психоанализ Лакана. Другой появляется не как результат

¹²Мерло – Понти. М. Феноменология восприятия. СПб.,1999. С.108.

активации априорного знания или свободного развития познавательных способностей, как в декартовской философии сознания, а как ответ на «травму» преждевременного рождения.

Такое положение дел свидетельствует о том, что субъект есть нечто такое, что лишено целостности, центра в картезианском смысле, как *cogito ergo sum*. «Представление о гомогенности трансцендентального, мыслящего субъекта с реальным, экзистирующим субъектом есть, по Лакану, лишь иллюзия воображающего “Я”. Формула, связующая бытие и сознание, не может быть двучленной, ибо мысль обосновывает бытие не непосредственно, а соотносясь с речью»¹³. *Cogito* не исчерпывает субъекта, а потому его очевидности не влекут за собой экзистенциальных утверждений. Трансцендентальное и Реальное не сосуществуют на одном уровне. В противоположность декартовской формуле Лакан вводит тезис: я мыслю там, где я не есть, и я есть там, где я не мыслю. То есть субъект мышления и субъект существования не находятся на одном уровне, и найти для обоих единую точку отсчета невозможно.

Фрейд постулирует принципиальную расщепленность субъекта. Лакан идет дальше и указывает на то, что человеческий субъект раздвоен потому, что он есть существо языковое. Бессознательное может быть только у говорящего существа. Более того, по Лакану, судьба человеческого субъекта принципиально связана с отношением его к знаку своего бытия — предмету, вокруг которого разыгрываются всякого рода страсти. В плане существования субъект с самого начала оказывается существующим в разделении. Лакан это обосновывает тем, что бытие субъекта требует для себя представления в другом месте, в знаке, а сам знак расположен уже в ином месте, в третьем. По словам философа, это обстоятельство и задает ту структуру субъективного разложения, без которой создать сколько-нибудь

¹³ Автономова Н.С. Психоаналитическая концепция Жака Лакана// Вопросы философии, 1973, №11. С. 149.

основательное представление о том, что такое бессознательное, невозможно¹⁴.

Разрыв между «говорящим» (мое Я) субъектом и «говоримым» (Я) субъектом есть исходная ситуация человеческой субъективности. По мысли Лакана, культура возникает в момент формирования субъективности. «Именно в отношении субъекта к себе как к другому Лакан увидел основание бытия человека и тайну его конституции. Пространство отчуждения проникает в субъекта в самый момент зарождения его структуры, проявляя все положительные и негативные следствия этого проникновения. “Отчуждение” от себя есть результат включения в собственную психическую структуру чего-то истинно внешнего, чем и “представляется”, в конечном итоге, для человека культура»¹⁵.

Лакановская топология субъекта такова, что учитывает онтологическую активность не столько осознанного Я, сколько субъекта бессознательного. Бессознательное есть тот неизвестный «мне», игнорируемый «моим Я» субъект, который структурирован в языке, чья речь истинна и несет в себе его (субъекта) историю. «Я», которое игнорирует субъект бессознательного, но которое всецело от него зависит, создает тем самым функцию Другого.

Как видим, лакановское понимание человека в пространстве культуры заключается в тезисах о радикальной децентрированности субъекта и прерывности объекта, смещенности субъекта по отношению к Эго, самоотчужденности, рассеянности в языке, о бытии посредством Другого и его опредмеченности в символе.

¹⁴ Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного (1957/1958). М., 2002. С.297.

¹⁵ Суслова О. Введение в чтение Лакана: «стадия зеркала»// Кабинет: Картины мира I. СПб., 1998. С. 100.

Другой — один из основополагающих концептов современного европейского принципа самоосознания. «Вне понятия другого как составной и неотъемлемой части своей собственной идентичности сегодня невозможно ни одно серьезное размышление философского характера»¹⁶. Проблема «другого» — одна из наиболее давних в европейской философии и медитативном эстетическом сознании. Имплицитно вопрос о фундаментальном значении «другого» был поставлен в философии Л. Фейербаха, его корректировкой тезиса о том, что главный вопрос философии это – вопрос о соотношении не просто бытия и мышления, но о соотношении *бытия человека и мышления человека*. Радикально новым объяснительным принципом Фейербах объявил – родовую сущность человека, которую он определял не иначе как отношение Я и Ты, т.е. *отношение интерсубъективное*¹⁷. Это стало серьезной критикой гегелевского постулата о самодостаточности мышления. После Фейербаха субъект становится единственным и универсальным предметом философии. Мышление обнаруживает обусловленный и несамодостаточный характер. Обусловленность «другим» - отныне главная аксиома философских исследований: обусловленность социальной материей у Маркса, языковыми играми у Витгенштейна, бессознательным бытием личности у Фрейда. Поэты-символисты — А.Рембо, П.Верлен, Ж. Лафорг — кардинально пересмотрели принцип собственного Я, которое традиционно рассматривалось как некая целостность, чем породили впоследствии обширную философскую литературу.

К примеру, М. Бубер предложил отказаться от индивидуального сознания Я и рассматривать проблему через диалог Я и Ты, в котором раскрывается существующая в человеке изначальная «друговость»; М. Бахтин развивал свою диалогическую концепцию культуры, в центре

¹⁶ Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. С.84.

¹⁷ См.Фейербах Л. Сущность христианства. М.,1965. С.24-32.

которой постоянная проблема «я — другой», близкая по смыслу лакановскому пониманию «воображаемого другого»¹⁸.

Однако именно теория Фрейда кардинальным образом пересмотрела традиционные представления о структуре личности через концепцию фрагментарного субъекта. Этот фрейдовский постулат стал определяющим для постструктуралистов и постмодернистских исследований в целом. Несмотря на то, что теории Деррида, Фуко, Делеза и Кристевой были глубже проработаны и более тщательно аргументированы, наиболее влиятельными оказались интерпретации Лакана.

«В жизни человека всегда присутствует другой»¹⁹. Можно допустить, что лакановская концепция Другого получила импульс именно от этого высказывания Фрейда. Дальнейшее развитие этого концепта проходит под знаком идей Гегеля и Кожева.

Субъект начинается в Другом. Личность не может существовать без другого. Именно этот смысл Лакан усматривает в аристотелевском «человек есть существо политическое». Субъект проецирует себя на другого и другого на себя. Как таковой, субъект соотносится не с другим субъектом, а с «означающим». В этом, кстати, заключено принципиальное различие между столь, казалось бы, схожими теориями субъективности Ж. Лакана и Э. Бенвениста.

Бенвенист в работе *О субъективности в языке* утверждал, что субъективность, рассматривать ли ее с точки зрения феноменологии или психологии, есть не что иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая

¹⁸ Смагина М. Языковые выражения другого в концепциях Ж. Лакана и М. Бахтина// София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. Выпуск 2-3, 2001. С.30- 47.

¹⁹ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я// Фрейд З. Я и Оно. М., Харьков, 2003. С. 771.

есть свойство быть, — понятию "Ego" — "мое я"»²⁰. Однако модель субъективности Бенвениста непривычно и провокационно отказывает Другому в его формирующей субъекта роли. Здесь «Я» шокирующе обходится без Другого, находя в языке все, что необходимо для своего появления на свет в качестве субъекта²¹.

Для структурного психоанализа Лакана принципиально важно то, что субъект детерминирован речью другого человека. Другой с большой буквы есть символический Другой, а другой с маленькой буквы — воображаемый другой.

Другой с маленькой буквы в текстах Лакана это порождение до-эдипальной «стадии зеркала», эффект измерения Воображаемого. Это тот *другой* который содержится во мне, он — моя проекция, мой образ, вынесенный вовне, фантазматика нарциссического самоотражения. Когда же речь идет о *Другом* с большой буквы, то подразумевается радикальная инаковость, превосходящая некоего воображаемого другого. Это то, что Я не может полностью присвоить, некая *нехватка*, то, с чем Я не может окончательно идентифицировать себя (мое Я). Этот большой Другой принадлежит закону символического порядка. Его появление связано с вербализацией, с символическим, с речью. Другой — место конституирования символического пространства речи, он — ее источник, в котором конституируется Я как субъект высказывания.

Если у Фрейда место Другого принадлежит исключительно *отцу*, в амбивалентной позиции субъекта к которому он видел генезис культуры и религии, то у Лакана первой фигурой, которая оказывается в месте Другого, является мать. Такое переосмысление во многом связано с открытием

²⁰ Бенвенист Э.О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С.298.

²¹ См. более подробно об этом: Колотаев В. Лингвистическая теория субъективности Э. Бенвениста и Ж. Лакана и эстетика Дж. Торнаторе//<http://kogni.narod.ru/kolot9.htm>

Мелани Кляйн того факта, что источником ранних фантазмов²² ребенка являются объекты материнского тела. Лакан интерпретирует этот факт с позиций диалектики желания и функции речи. Во-первых, как было уже отмечено, первое желание ребенка — быть тем, чего хочет мать. Отсюда берет начало в лакановской теории понятие *фаллического означающего*. Во-вторых, мать дает ребенку правила интерпретации его собственного желания. Материнский язык, структурирующий желание ребенка, сам есть выражение желания. Реальная причина, истинный объект желания ребенка из-за вмешательства материнского языка останется вечной загадкой. Этот объект ускользает от языка ровно в той мере, в какой его язык интерпретирует. Этот другой объект и есть причина желания, в лакановской терминологии *объект а*. Этот *объект а* есть причина, но не цель желания, так как все объекты, на которые будет в последствии направлено человеческое желание, отчужденное языком, никогда не станут этим исходным объектом, первичным *наслаждением*. Все наши объекты будут эрзацами, символами этого нерепрезентируемого объекта.

Стадия зеркала имплицитно содержит в себе начало перехода от Воображаемого к Символическому, от «Я» к «моему Я». Первое является идентификациями Воображаемого, второе конституирует себя по отношению к истине символического порядка. Иначе говоря, измерение Воображаемого с ее «зеркальным Я» формируется, как полагает Лакан, на доязыковом уровне, до того, как ребенок встретится с целостностью человеческого мира, опосредованного знанием и опытом, мира, который выступает как мир означающих. Как указывает С. Фридман: «Восприятие себя в зеркале как унитарного целого выводит ребенка из пред-эдипального Воображаемого в

²² Под фантазмом следует понимать бессознательный сценарий получения удовольствия, план и способ удовлетворения желаний Реального, о которых субъект ничего не знает.

линейный процесс трансформации, проходящий через эдипальную стадию в Символический порядок отца»²³.

Роль отца в лакановской теории онтогенеза не менее существенна, чем фигура матери. Отец вводит ребенка в символический порядок. Отказываясь от немедленного удовлетворения желаний и потребностей, соглашаясь на их отсроченное удовлетворение, в частности, отказываясь от воображаемого отождествления с матерью и принимая над собой авторитет Закона, Символа, Отца, человеческий младенец становится человеком. Таким образом, символический мир, данный через язык, и есть специфический человеческий мир.

Если в измерении Воображаемого язык воспринимается ребенком как однозначные отношения между словом и смыслом, то, как пишет Саруп: «В Символическом больше не существует однозначно-прямолинейного отношения между вещами и тем, как они именуется, — символ апеллирует к открытой, лишенной замкнутости и конечности системе смысла. Символический процесс означивания носит социальный, а не нарциссический характер. Именно Эдипов комплекс и отмечает вхождение ребенка в мир символического. Законы языка и общества начинают укореняться внутри ребенка по мере того, как он принимает отцовское имя и отцовский запрет»²⁴. То есть переосмысливает Эдипов комплекс как лингвистическую трансакцию, переход к языку законов и организации. Для лакановской философии это принципиально важный момент, посредством которого он избавляется от фрейдовского психосексуализма в трактовке Эдипа.

Вмешательство отца в отношения матери и ребенка приводит к метафорическому замещению, в котором отец становится заменой

²³ Friedman S. S. Lyric subversions of narrative//Reading narrative: Form, ethics, ideology / Ed. by Phelan J. Columbus, 1989. P.168.

²⁴ Sarup M. An introductory guide to post-structuralism and postmodernism. N.Y., 1988. P. 30

(метафорой) желания матери, и, таким образом, институтом первичной репрессии. Символический запрет отца словно выбивает дыру, нехватку в существовании субъекта, возводя негативность травмы на новый (символический) уровень. Образуется пустота относительно Реального, или в лакановской терминологии — *потеря Реального*. Травма оказывается в основаниях субъективации. Исходя из этого *цель психоанализа* Лакан видит не в исповедальной проработке травмы, но приятие тех фактов, что человеческое существо не находится в гармонии с миром и что наша жизнь включает в себя травматическое основание, а также признание того, что именно травме субъект обязан жизнью.

Нехватка, отсутствие, «зазор» оказывается первичной движущей силой человеческой психики, моментом, конституирующим субъективность. Эту нехватку индивид стремится заполнить. Онтологическая нехватка трактуется Лаканом предельно широко, вплоть до определения «любви». «Когда Лакан пишет, что с бытием как таковым сталкивается при встрече именно любовь, то чисто онтологическая функция, которую он приписывает любви, отлично показывает, что именно он осознанно вводит, оперируя по этому поводу философскими конфигурациями»²⁵. Формула Лакана гласит: любить — значит давать то, чего не имеешь, и не давать то, что имеешь²⁶.

Если предположить, что говоря о любви как даре того, чего ты сам не имеешь, Лакан имеет в виду нехватку бытия субъекта, то такое понимание любви мало чем отличается от желания, которое также структурировано нехваткой. В этом случае, теряется какая-либо специфика понятия любовного опыта; влюблённый ничем не отличается от актёра, учёного, верующего или любого иного невротика, желание которого отчуждено и помещено в другого. Любого иного субъекта, который изначально выглядит

²⁵ Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. С.50.

²⁶ Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образование бессознательного (1957/1958). М., 2002. С.243.

комично, о чём говорит ещё Гегель в «Эстетике», поскольку ищет на стороне другого то, чего там нет и в помине: комична всякая субъективность.

Лакан же, напротив, разделяет желание и любовь, понимая последнюю именно как дар: любить — это не просто пассивно воспринимать и поддерживать свою нехватку, а дарить эту нехватку, принимать на себя контрабандистский риск перепродавать то, что тебе самому не принадлежит, риск, связанный с прекращением не только самой логики владения, но и с выходом за пределы своей субъективности. Опыт любви позволяет найти нечто по ту сторону самого себя, нечто более себя, поэтому для Лакана он неотделим от психоанализа.

Д.А. Ольшанский комментирует лакановскую формулу любви следующим образом: «Давать то, чего не имеешь — это и значит передавать обжигающую пустоту Вещи, *das Ding*, которая «в тебе более тебя», Вещи как объекта-причины-вдохновения. Помещать в другого не объект желания, а обнаруживать отсутствие этого объекта, ту промежность Реального, которая разверзается между субъектом и объектом. Соприкасаться с Реальным посредством другого, с обличённой в другого пустотой — вот, что представляет из себя опыт любви»²⁷.

Хотя, как указывает сам Лакан, именно с любовью связаны все основные тупики бессознательного, этим понятием опыт нехватки не исчерпывается. Однако именно здесь мы обнаруживаем исходный концептуальный узел лакановской концепции. Желание, которое, казалось бы, является точкой отталкивания в лакановской концепции субъективности, оказывается силовым полем между *требованием* (запросом) и *потребностью*²⁸. Требование нацелено на удовлетворение потребностей. Требование — это запрос любви. В требовании взыскуется само бытие

²⁷ http://katooshka.ru/functions/glossary/glossary.php?cat=1&index_name=Любовь

²⁸ Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного (1957/1958). М., 2002. С.496.

Другого, т.е. гораздо больше любого возможного удовлетворения потребности. Вследствие этого «в виртуальном пространстве между зовом удовлетворения и требованием любви приходится желанию занять место и как-то организоваться»²⁹. Именно в момент требования субъекта возникают для него те проблемы отношений с Другим, которым суждено впоследствии стать определяющими для постановки, ориентации его желания. Потребности формируются в зависимости от характера запроса любви, от типа отношений с Другим. К примеру, для невротика главным является потребность в неудовлетворенном желании, поддержку своего желания он ищет в запрете Другого. Таким образом, то, что может быть субъектом пережито как потребность с необходимостью создается горизонтом безусловного требования любви. Требование удовлетворения потребности должно пройти через «теснины» артикуляции, которые так или иначе навязаны языком. В результате на уровне того кому требование адресовано, т.е. Другой, он оказывается символизирован, или иначе, онтологически он обнаруживается как присутствие на фоне отсутствия.

Потребность, по Лакану, есть стремление субъекта заполнить нехватку. Сфера недифференцированной «потребности», настоятельно нуждающейся в удовлетворении, но никогда не могущей быть удовлетворенной до конца, есть *Реальное*, третье в лакановской системе координат, фундаментальное измерение человеческой психики, наряду с Воображаемым и Символическим. Окончательно эти настройки субъективности налаживаются с прохождением Эдипа, главным механизмом которого является фантазм кастрации.

Лакан, в отличие от Фрейда, метафорически трактует прохождение индивидом Эдипова и кастрационного комплекса в качестве способа вступления в порядок Символического. По Лакану запрет касается не исключительно реальной матери и исходит не от реального отца, но

²⁹ Там же С. 469.

распространяется на весь класс воображаемых *других* образов, а инстанцией этого запрета становится *Имя — Отца* или все то, что в культуре встает между субъектом и объектами желания (писанные и неписанные законы, нормы, правила, обычаи, традиции и т.д.). Необходимо различать *Имя — Отца* и *Имена — Отца*: первое понятие разграничивает пустую форму закона, отца как символическую функцию, в то время как второе означает фрейдовского праотца, отца, воплощающего всю полноту власти, а не пустую символическую фигуру. «Первобытный отец — это отец прежде запрета на кровосмешение, прежде появления закона и каких бы то ни было структур родства и союза, другими словами — прежде рождения культуры»³⁰. Функцией этого метафизического допущения, берущего начало во фрейдовской теории культуры, является, как можно подумать, указание на то, что процесс субъективации не может быть сведен исключительно к морфологии семьи и ранней динамике семейных отношений. Это указание на то, что Другой — фигура, уводящая нас в глубины филогенеза, о причинах возникновения которой мы можем мыслить лишь в форме мифологем.

Лакан следует за Леви-Строссом в признании за мифом гносеологической и этиологической функций. «Миф всегда представляет собой означающее построение, набросок, предназначенный лечь в основу заключенных в определенных психических отношениях антиномий. Причем функционирует он не на уровне, где речь идет о смягчении индивидуальной тревоги или где дело исчерпывается тем или иным предполагающим человеческую общность построением, а на уровне всей этой общности в полном ее объеме»³¹.

³⁰ Лакан Ж. *Имена — Отца*. М., 2006. С. 68.

³¹ Лакан Ж. *Семинары. Книга 5. Образование бессознательного (1957/1958)*. М., 2002. С. 186-187.

Миф по Лакану — это исконное место Истины, Знания, место, из которого разворачивается вся «батарея означающих» той или иной культуры. Более того к *означающему*, на первый взгляд, Лакан культуру и сводит.

Культура формирует субъекта, бессознательное субъекта образовано из материала означающих, т.е. язык является абсолютным условием бессознательного. Бессознательное не есть субстанциальное понятие, и оно не должно описываться в терминах инстинкта. В этом пункте обнаруживается расхождение лакановской трактовки бессознательного с двумя предшествующими ему фундаментальными определениями бессознательного у Фрейда и Юнга. Если для Фрейда основной задачей было выявление личностного бессознательного, образовавшегося в результате вытеснения *фактов сознания*, то Юнг сосредоточил свое внимание на коллективном бессознательном, которое является *бессознательным изначально*. Это такое же гипотетическое допущение, как и фрейдовское вытеснение «первобытного преступления», только в отличие от последнего, предположение Юнга ставит исследователя в тупик, так как ссылка на изначальность бессознательного выводит его за рамки рационального понимания и научного исследования. Основным элементом коллективного бессознательного, по Юнгу, является архетип, представляющий собой генетически передающуюся связь между инстинктом и образом. Лакану чуждо понимание бессознательного как производного от сознания результата вытесненных влечений и тем более как генетически передающееся, инстинктивное изначально бессознательное. Лакан настаивает, что с самого начала в психоанализе речь шла о бессознательном не как о резервуаре влечений или инстинктов. Подлинное открытие Фрейда состояло как раз в том, что бессознательное — неосознаваемые представления, что бессознательное *высказывает* субъекта в свободных ассоциациях. Субъект выговаривается, оказываясь, тем самым, производным от языка, лингвистического знака, буквы. Бессознательное имплицировано во все то,

что мы говорим и обнаруживает себя исключительно в силовом поле языка. Бессознательное есть то в субъекте, что без его ведома структурировано Другим — культурой, языком, законом. «Бессознательное — это совокупность воздействий, оказываемых на субъекта речью — оказываемых на уровне, где субъект формируется эффектами означающего»³².

Означающее — понятие из античной риторики, достигшее своего расцвета в теориях Фердинанда де Соссюра, Романа Якобсона и в целом во всей русской лингвистической школе формализма. То, что понятие это занимает в работах Лакана одно из центральных мест, свидетельствует о его глубокой заинтересованности феноменом языка. Это связано и с тем влиянием, которое на лакановскую мысль оказала философия Гегеля и Хайдеггера, и со сменой философской парадигмы.

К. Апель показал, что в истории западной философии можно выделить три периода: онтологический, эпистемологический и лингвистический. Онтологический период (от Платона до Декарта) связан с интересом к пониманию объектов самих по себе и с отсутствием этого интереса к познающему субъекту. Эпистемологический период (от Декарта до Канта) смещает акцент с существования объектов к познающему субъекту или Эго. В философском дискурсе этого периода доминируют вопросы сознания и его интенциональности. В XX веке фокус философии сдвинулся на проблему языка, произошел «лингвистический поворот», как его принято называть, признавший язык первичной сферой философского анализа. На данном этапе *знания* сами по себе становятся объектом, влияние которого нельзя не учитывать. В этот период Л. Витгенштейн и другие представители лингвистической философии формулируют предпосылки для развития структурализма, вершиной которого в психологии и стал психоанализ Лакана.

³² Лакан Ж. Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа (1964). М., 2004. С.136.

Влияние «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра на Лакана было бесспорным, но вполне ограниченным. Языковой знак представлен у Соссюра как двусторонний психический феномен, элементы которого неразрывно связаны между собой и предполагают друг друга. Одна сторона знака — означаемое или понятие, другая сторона знака — означающее или акустический образ. Соссюр высказывает в своей работе идею о том, что связь между сторонами языкового знака произвольна, означающее немотивировано по отношению к означаемому. Эта соссюровская идея дает Лакану основание произвести дальнейшую, более радикальную, автономизацию означающего: означающее не обладает открытым доступом к означаемому. Главное в знаке — не взаимосвязь между его сторонами, а разделительная черта между ними, пробел. Нам доступно лишь означающее, которое есть не только акустический, но и визуальный образ. Специфика логики такого означающего, согласно Лакану, в том, что оно указывает не на означаемое, а на другие означающие, обнаруживаемые в последовательности цепи, т.е. является скольжением от слова к слову. Переосмысление соссюровской лингвистики подводит Лакан к ряду новаторских идей: означающее возникает вместе с исчезновением доступа к означаемому; буква производит в человеке истину; значение возникает не в пределах знака, а между означающими; язык используется для того, чтобы скрыть смысл и намерения; родовым условием того, что мы называем человеческой природой является язык, речь. Такая теоретическая и методологическая позиция позволяет Лакану по-новому толковать не только клинический материал, но и опыт повседневности субъекта.

Как замечает психоаналитик Н.Ф. Калина: «Благодаря лакановским идеям стало очевидно, что взаимодействия между объектами, субъектами и

языком существенны не только для психоанализа и философии, но и для всех людей в их повседневной обыденной жизни»³³.

Для Лакана было очень важно понимание того, что язык — это, прежде всего, то место, где *жизнь* и *идеальность*, природа и культура объединяются. Мыслящий и желающий субъект, мыслимые и желанные объекты, повседневная жизнь и идеалы с самого начала вплетены в ткань языка и предстают, скорее, как продукт языка, чем как его предпосылки.

В целом такое понимание соответствует главной установке лингвистической философии, согласно которой привилегированная категория языка должна была преодолеть классическую метафизическую дихотомию между *res* и *intellectus*, вещами и мыслями, объектами и репрезентациями, живыми существами и их абстрактными идеями.

Специфика лакановского понимания языка заключается в том, как справедливо замечает Г.Г. Почепцов, что Лакан видит предназначение языка исключительно в терминах публичных рилейшнз: функция языка — не информировать, а вызывать представления³⁴. К этому замечанию можно добавить и то, что по Лакану, функция языка заключается еще и в побуждении. Коммуникативный уровень рассмотрения языка Лакан считает плоским и банальным, так как язык действует на глубинном уровне как *императив*. «Психоаналитический опыт вновь открыл в человеке императив Слова — закон, формирующий человека по своему образу и подобию. Манипулируя поэтической функцией языка, он же, опыт этот, дает человеческому желанию его символическое опосредование»³⁵.

Правила интерпретации желания, установленные Другим (матерью), приводят в действие работу бессознательного. Именно в связи с этим надо понимать один из программных тезисов Лакана о том, что «бессознательное

³³ Калина Н.Ф. Основы психоанализа. М., 2001. С. 209.

³⁴ Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001. С. 92

³⁵ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 91.

субъекта есть дискурс другого»³⁶. Другими словами, бессознательное по Лакану — это мир интерпретаций-доводов, а не аффектов-вещей. Духовное затруднение всегда заключено в том, как именно желание ребенка было структурировано. Симптомы, таким образом, можно понимать как «логические» следствия интерпретаций жизни и любви, о последствиях которых мы не хотим ничего знать. Психоаналитическая интерпретация, исходя из этого, работает с предварительной интерпретацией, выполняемой материнским языком. Психоаналитик лакановской школы в процессе анализа обучает субъект интерпретативным правилам логики означающего, посредством этого давая возможность субъекту выражать то, что он собой представляет. Это и знаменует собой конец анализа: полное и подлинное усвоение себя субъектом в собственной речи. Так будет понимать истину поздний Фуко: «Истина – это то, что озаряет субъект, что дает ему душевный покой. В самой истине, в ее познании заключается нечто, что позволяет осуществиться самому субъекту, что реализует само его бытие»³⁷.

В ранних работах Лакана понятие *означающего* имеет основное инструментальное значение в исследовании бессознательного. Более того, можно говорить о том, что Лакан выстраивает своеобразную *онтологию сцепления означающих*.

В семинаре «Образования бессознательного» Лакан развивает мысль о том, что в опыте бессознательного мы имеем дело с механизмом конденсации, и что материализована эта конденсация в материале означающего. Речь идет о явлении, когда две линии означающей цепочки оказываются, с помощью механизма означивания, склепаны вместе³⁸.

Процесс означивания происходит раньше открываемого мыслью лингвистического значения. Из этого означивания и образуется

³⁶ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 35.

³⁷ Фуко М. Герменевтика субъекта. М., 1991. С.289.

³⁸ Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного (1957/1958).М., 2002.С. 26.

бессознательное. В процессе конструирования реальности означающее включается раньше, чем означаемое, т.е. означающее опережает означаемое во времени. Механизм означивания выстроен по закону метафоры (сгущения) и метонимии (смещения). Метафора — это симптом замены одного символа другим, подменяющий саму процедуру устранения, тогда как метонимия — это желание, которое сосредоточилось на замещающем объекте, скрывающем конечную цель всякого нашего стремления. В результате этого каждое наше желание, прошедшее цепь метонимических переносов, оказывается желанием Другого.

То есть образование бессознательного в ранней теории Лакана полностью укладывается в то, в чем лингвистический анализ усматривает главные способы образования смысла как продукта, порождаемого путем комбинирования означающих. Путь метафоры, как полагает Лакан, не просто первичен в создании и эволюции языка, он первичен в создании и эволюции смысла как такового³⁹. Речь идет не о том смысле, который кем-либо воспринимается, а о том, в который субъект всегда уже включен. Исходя из такого понимания бессознательного, Лакан определял *субъект* как то, что одно означающее отсылает к другому означающему. Этот тезис определяет первоначальную лакановскую топологию субъекта и смысла.

Принято думать, что темный стиль Гераклита нарочито увещевает нас о том, что смысл всегда расположен в глубине, внутри. Знаменитый эфесец специально писал непонятнее, чтобы быть понятным лишь особым ныряльщикам на глубину⁴⁰. Жак Лакан, которого иронично сравнивают с Гераклитом, в темном стиле своих речей тоже скрывал «сокровище от слабоумных»⁴¹, но, конечно, сложность его стиля в большей степени

³⁹ Лакан Ж. Семинары. Книга 5. Образования бессознательного (1957/1958). М., 2002. С. 38.

⁴⁰ Фрагменты ранних древнегреческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 180.

⁴¹ Лакан Ж. Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа (1964). М., 2004. С. 184.

последовательно выражает убежденность философа в том, что смысл всегда поверхностен. Труднодоступное изложение Лаканом своих идей затрудняет обычный режим их восприятия с единственной целью: приковать внимание к поверхности, к буквальности сказанного, к *очевидному* в поле языка. Непроницаемость языка Лакана призвана указать на неоднозначность общепринятого пространственного деления на «глубину» и «поверхность», «внутреннее» и «внешнее», являющихся по сути одномерными. Лакан указывает на исчерпанность «работы» с логической одномерностью мыслимого. «Стиль Лакана как нельзя более подходил к тому, чтобы долгое время затруднять любой доступ к какому-либо очерчиваемому содержанию, к какому-либо однозначному смыслу, который бы можно было уловить по ту сторону написанного»⁴².

В психоанализе фрейдовской и лакановской школы мы встречаемся с *топологической* моделью психики, т.е. с идеей структурности психического аппарата, согласно которой системы психического аппарата предстают в качестве идеальных точек и плоскостей, неосязаемых составных частей оптического прибора, как некие места, недоступные восприятию и неподлежащие конкретной локализации. В своих работах Лакан часто прибегает к фигурам топологической математики: лента Мебиуса, фигура Тор, борромеев узел, бутылка Клейна, узлы Эшера и др. Фигуры эти призваны своей парадоксальностью оторвать нас от логики Воображаемого и заставить пристальнее всмотреться в логику Символического, по принципу которой Лакан и выстраивает топологию субъекта. Это топология неоднозначности края, лица и изнанки, внешнего и внутреннего, топология односторонности, разрывов в поверхности как элементов исключения из характеристик других точек множества.

Глубина, которой мы приписываем смысл, в психоаналитической топологии — «разом бездонная глубина, бесконечная отсылка, и совершенно

⁴² Деррида Ж. О почтовой открытке: от Сократа до Фрейда и не только// Мн.:1999.С.660.

поверхностная наружность... нутро, есть лишь импликация какой-то другой, столь же выставленной наружу поверхности... это две составляющие нас эмпирические достоверности: бесконечной глубины в импликации смысла в беспредельном обволакивании актуальности, и одновременно достоверность пленочной сущности бытия, абсолютного отсутствия всякой подоплеки»⁴³.

В своей топологии Лакан исходит из предположения, что для описания субъекта можно использовать метафору бесконечной плоскости, ее бесконечных изгибов и перегибов. Чистая субъективность схватывает себя, только выворачиваясь наизнанку, располагаясь перед собой, и всегда в сочетании с чисто внешними объектами. Желаящий субъект никогда целиком и полностью не отличается от образующих его объектов, лакановский субъект всегда состоит из своих объектов. Относительно смысла метафора эта указывает на то, что возможность смысла не увеличивается с приближением к более глубинному и архаичному. Смысл нигде не скрыт, он всегда здесь — он на поверхности. Такая топология смысла была описана Делезом: «Смысл принадлежит не высоте или глубине, а скорее поверхностному эффекту; он неотделим от поверхности, которая и есть его собственное измерение»⁴⁴.

Лакановская топология — это топология субъекта, и важно, что в этой топологии смысл является эффектом субъекта в той же мере, как и сам субъект представляет собой не что иное, как эффект смысла. Смысл, как полагает Лакан, вообще возможен только потому, что субъект связан с означающим. «Возможность построения топологии субъекта — это просто следствие зависимости субъекта от означающего»⁴⁵. Уже в самом первом своем семинаре, посвященном психоаналитической технике Фрейда, Лакан

⁴³ Деррида Ж. Фрейд и сцена письма// Письмо и различие. СПб., 2000. С. 284.

⁴⁴ Делез Ж. Логика смысла. Фуко Мишель. М., 1998. С. 104.

⁴⁵ Лакан Ж. Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа (1964). М., 2004. С. 224.

настаивает на том, что только понятие символической функции субъекта способно объяснить то, что можно назвать *утверждением в смысле*.

В более поздних работах, начиная с 70-х годов, Лакан указывает на то, что хоть координаты становления субъекта и заданы актом его встречи со словом, сам субъект не равен означаемому, не сводим к нему, но является эффектом этой встречи, ее неразложимым осадком, последствием, которое оказывает речь⁴⁶. Так в семинаре 1969-1970 гг. он говорит: «Все дело в том, что на самом деле дискурс может прекрасно обходиться без слов. Он сохраняется в определенного рода базовых отношениях. Эти последние невозможно, строго говоря, без языка поддерживать»⁴⁷. То есть язык представляет собой способ поддержания бессознательного, один из его инструментов, поэтому оно не может быть сведено только к работе означаемого. Нечто всегда находится по ту сторону языковой деятельности в качестве ее изнанки.

В поздних семинарах Лакан представляет бессознательное не как язык, а как говорящее бытие, которое представляет собой сплав трех психических регистров — *Воображаемого, Символического и Реального*, среди которых *означающее* вообще не занимает привилегированного положения. Все понятия лакановской теории так или иначе прорисовываются на фоне общей концептуальной схемы «Реальное — Воображаемое — Символическое», которая сложилась к началу 50-х годов и видоизменяясь, всегда сохранялась в его системе. «Лингвистический поворот в сфере научного знания по иному поставил проблему бытия субъекта и позволил возникнуть представлению о Символическом, Воображаемом и Реальном, т.е. разграничил матрицу

⁴⁶ См. об этом Ольшанский Д.А. Словарь Группы Лакановского Психоанализа <http://katooshka.ru/functions/glossary>.

⁴⁷ Лакан Ж. Семинары. Книга 17. Изнанка психоанализа (1969-1970). М., 2008. С. 9.

символизации, ее фантазматическую насыщенность и неязыковую внеположенность»⁴⁸.

Лакан описывает структуру человеческой психики как сферу сложного взаимодействия трех порядков⁴⁹. Первоначально эти порядки или инстанции трактовались как поэтапный процесс лингвистического становления ребенка, а позднее были переосмыслены как основные онтологические измерения, в которых человек существует независимо от возраста. Обоснование этих инстанций лакановской теории из специфики детской психики мы рассматривали выше в связи со *стадией зеркала*. Однако главной задачей Лакана все же было обоснование их применения в качестве всеобщих объяснительных принципов поведенческих установок человека как такового.

Воображаемое — это комплекс иллюзорных представлений, которые человек создает сам о себе. Воображаемое Я детского сознания никогда не исчезает совсем, оставаясь с человеком на протяжении всей его жизни, являясь структурой его аберраций и главным источником заблуждений.

Символическое — сфера социальных и культурных норм и представлений, которые индивид усваивает, в основном, бессознательно, чтобы иметь возможность нормально существовать в данном ему обществе. Символическое начинается до рождения человека (брак родителей, соглашение о рождении ребенка, выбор имени ребенка и т.д.) и продолжается после смерти (обряд погребения, память, наследие и т.д.). Более того, «у нас нет никакого средства постичь реальность — на всех уровнях, а не только на

⁴⁸ Рисков В. Жак Лакан: out of space // Лакан и космос. СПб., 2006. С. 11.

⁴⁹ Схема психической структуры у Лакана теоретически выстраивается с опорой на концепцию позднего Фрейда, его вторую топикку: id, ego, superego. Однако терминами фрейдовской топикки Лакан фактически не пользуется, полагая, что их коннотативная нагрузка вводит сознание исследователя в заблуждение отзвуком привычных форм рациональности, не позволяя в полной мере учесть своеобразную новизну тех явлений психической жизни, которые Фрейд обозначил этими терминами.

уровне познания — иначе как через посредническую роль Символического»⁵⁰.

Реальное — это та сфера биологически порождаемых и психически сублимируемых потребностей и импульсов, которые не даны сознанию индивида в доступной для него рационализированной форме. Реальное, по Лакану, это одновременно и твердое, непроницаемое ядро, неподдающееся символизации, и совершенно химерическая сущность, сама по себе не обладающая какой бы то ни было онтологической устойчивостью. Это пустота, функционирующая как объект желания. Реальное, ничего собой не представляя, и, тем не менее, обладая рядом качеств, связанных со структурными изменениями, на протяжении всей жизни вызывает ряд следствий, эффектов в символической действительности субъекта. Это фундаментальная нехватка, вокруг которой структурируется символический порядок человеческого существования в целом. Субъект никак не может встретиться с Реальным, несмотря на все проекции Воображаемого и все конструкции Символического, реальное не попадает ни в какие сети, оставаясь недостижимым или невозможным.

Бессознательное присутствует на трех уровнях: онтологическое бессознательное в Реальном, образное бессознательное в Воображаемом, языково-упорядочивающее, структурное бессознательное в Символическом. Содержательную специфику концепции Лакана определяет акцент на бессознательном как Символическом и языковом, тогда как в центре лакановской онтологии находится понятие *Реального*, главного, начиная с 70-х годов, понятия в его теории.

Реальное травматично — вот один из базовых постулатов Лакана. Оно травматично потому, что оно напрочь лишено Символического. «Идеальная регулярность суточного движения звезд было, безусловно, первым, что дало

⁵⁰ Lacan J. *Ecrits*. New York, London, 1977. P. 122.

людям возможность испытать, насколько окружающий их изменчивый мир устойчив, и начать построение той диалектики Символического и Реального, что создается впечатление, будто Символическое бьет из Реального ключом...»⁵¹. То, что Символическое бьет из Реального ключом, — фундаментальная ошибка субъекта. Ошибка принятия реальности за Реальное. Лакан постулирует наличие барьера, отделяющего Реальное от символически структурированной реальности. Реальное, согласно Лакану, — это то, что никогда не перестает не вписываться в историю субъекта, и в то же время, сама субъективация «включается» вторжением Реального.

Как указывает отечественный исследователь постмодернизма И. Ильин: «Реальное — самая проблематичная категория Лакана, так как она, с точки зрения французского психоаналитика, находится за пределами языка. Иными словами, Реальное не может быть испытано, т.е. непосредственно дано в опыте, поскольку под опытом Лакан понимал только нечто опосредованное языком, в результате чего Реальное для него абсолютно сопротивляется символизации»⁵².

С точки зрения У. Морриса лакановское *Реальное* — это водораздел между языком как системой различий и эмпирическим миром образов вещей⁵³. Аналогичное мнение высказывает С. Жижек, говоря, что возникновение языка открывает некую дыру в реальности, и эта дыра задает направление (параллаксное) нашего взгляда. Язык разделяет реальность на себя и пустоту Вещи⁵⁴.

Понятие лакановского Реального проясняется в связи с понятием *Вещь*, которое психоаналитик теоретически разрабатывает в ходе одного

⁵¹ Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955). М., 1999. С. 341.

⁵² Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. С.244.

⁵³ Morris W. The irrepressible real: Jacques Lacan and post-structuralism. // American criticism in the poststructuralist age. — Michigan, 1981. P.123.

⁵⁴ Жижек С. Глядя вкось. Введение в психоанализ Лакана через массовую культуру// <http://www.ukma.kiev.ua/pub>.

единственного семинара посвященного *Этике психоанализа*. «Das Ding — это то, что в начальном — как логически, так и психологически — моменте организации мира в психике предстает в виде изолированного и чуждого предела, вокруг которого вращаются представления, управляемые ...принципом удовольствия. Вокруг das Ding происходит прогрессивная адаптация,...которая неразрывно сплетена с символическим процессом...»⁵⁵.

Вещь правит человеческим этосом, психической экономикой желаний и удовольствий. В качестве не-мыслимой модели любого удовольствия Вещь представлена по-разному, но всегда негативно: как центральная пустота, как полость внутри всякой последовательности, как ядро, как недостижимая суть реальных. Эта нераспознаваемая Вещь ориентирует гравитацию этики и невроза. Не будучи частью психического аппарата, она создает его ядро, абсолютно вне души, она — ее черная сердцевина, вокруг которой вращаются любимые и ненавистные объекты⁵⁶. «В тебе есть нечто помимо тебя самого»⁵⁷ — лакановская формула, указывающая на то, что в человеческой психике присутствует Вещь, место которой за пределами человеческой реальности. Однако это не кантовская вещь-в-себе, Ding an sich, непознаваемая за феноменами. Лакан, скорее, помещает ее в отношении к универсальному моральному императиву кантовской «Критики практического разума».

Вводя понятие *Вещи* как коррелят понятию *Реальное*, Лакан указывает на то, что цепь означающих дискурса должна каким-то образом включать то, что предшествует ей и превосходит ее. «Чтобы избежать идеалистического искушения устранить субъект и вещи, переместив их в идеи или означающие, — пишет С. Бенвенуто. — Лакан замещает трансценденцию объективного

⁵⁵ Лакан Ж. Семинары. Книга 7. Этика психоанализа (1959/1960). М., 2006. С. 77-78.

⁵⁶ Эта лакановская идея в широком культурологическом контексте развивается в работе Ренаты Салецл: Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти. М., 1999.

⁵⁷ Лакан Ж. Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа (1964). М., 2004. С. 284.

мира по ту сторону языка “имманентной трансценденцией” желающего субъекта и Вещи, или изначального объекта»⁵⁸.

Тут намечается та концептуальная симметрия, которая находится, как можно думать, в основании лакановского понимания бытия: с одной стороны, всегда имеется пробел, или несоизмеримость между искомым объектом субъекта и Вещью; с другой — артикулированное желание символически указывает на начальное наслаждение, которое никогда не будет непосредственно вербализировано в дискурсе. Дискурс, по мысли Лакана, отсылает к наслаждению, более того — он возникает из него⁵⁹.

Дискурс — одно из важнейших понятий лакановской системы мысли. Это связано с тем, что одним из принципиальных моментов субъективации, по мнению философа, становится приписывание образа другого/себя дискурсивному порядку. Субъекту говорят: это ты, тебя зовут так-то, ты такой и т.д. То есть субъективность с самого начала имеет дело не с реальностью, но с синтаксисом, рождающим маркировки.

Лакановский «дискурс» лучше всего понимать, исходя из классического определения А. Греймаса и Ж. Курте, которые впервые теоретически обосновали структурно-семиотическое понимание концепции дискурса в философии: «Дискурс — семиотический процесс, который реализуется в различных видах дискурсивных практик, т.е. дискурс есть специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)»⁶⁰. Еще ближе к лакановскому определению дискурса Ж.К. Коке: «Дискурс есть сцепление структур значения, обладающих собственными правилами комбинации и трансформации»⁶¹. Такие формулировки вполне отражают лакановское

⁵⁸ Бенвенуто С. Мечта Лакана. СПб., 2006. С. 112.

⁵⁹ Лакан Ж. Семинары. Книга 17. Изнанка психоанализа (1969-1970). М., 2008. С. 86.

⁶⁰ Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. С.77.

⁶¹ Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. С. 78.

определение дискурса как «социального взаимодействия, основанного на языке»⁶².

Лакановская теория дискурсивных структур выводит субъект за пределы его собственной орбиты, трансgressирует его. Субъект одновременно пребывает внутри и вне своего собственного дискурса, он не просто метафизическое предположение, но артикулированный объект дискурса. Лакан дифференцирует возможные типы социальных уз, типы дискурса в символической сети, которые регулируют интересубъективные отношения. В семинаре *Изнанка психоанализа* он формализует следующие четыре типа дискурса, которые производят, предписывают субъекту его место: дискурс господина, дискурс университета, дискурс истерика и дискурс аналитика⁶³.

Различие четырех дискурсов заключается в положении дискурсивных элементов: агент-другой/истина-продукт. Тип дискурса определяется положением агента, т.е. того, кто или что занимает место действующего лица: господское означающее (S1), знание или другое означающее (S2), расщепленный субъект (\$), прибавочное наслаждение или объект-причина желания (a).

Дискурс господина иллюстрирует гегелевскую диалектику отношений раба и господина. Позицию агента в этом дискурсе занимает господствующее означающее. Дискурс господина маскирует расщепленность субъекта, внушая иллюзию: будешь господином — не будешь расщеплен. Положение субъекта в этом дискурсе отмечено подчиненностью господскому приказу, идеологической программе.

Позицию агента в университетском дискурсе занимает знание. Дискурс университета внушает иллюзию: овладеешь знанием, тебе откроется

⁶² Лакан Ж. Якобсону//Метафизические исследования. Вып.14. Статус Иного. СПб., 2000. С. 238.

⁶³ Лакан Ж. Семинары. Книга 17. Изнанка психоанализа (1969-1970). М., 2008. С. 31.

истина, в том числе и о себе, и ты овладеешь собой, расщепления не будет, и ты будешь целостным субъектом. Дискурс университета, по Лакану, представляет гегемонию знания, в частности, господство науки с ее работающим знанием, знанием на службе. Дискурс университета — разновидность господского дискурса со всеми его установленными правилами, рамками, определениями и ограничениями. Цель университетского дискурса — овладеть другим, навязать ему свое знание.

Позицию агента в дискурсе истерика занимает расщепленный субъект, субъект желания. Это дискурс желающего знать то, что отчуждено от субъекта, то есть Истину. Субъект в этом дискурсе хочет занять место *объекта а*, его желание — стать желанным. Истерический дискурс, говорит Лакан, ведет к познанию истины.

Позицию агента в дискурсе аналитика занимает *объект а*, объект-причина желания. Желание знать, эпистемологическое влечение субъекта в этом дискурсе поддерживается ответным молчанием, безответностью аналитика, указывающим на отсутствие господина. Дискурс аналитика противоположен дискурсу господина. Он его ниспровергает, подрывает любые попытки господства и властвования. «Дискурс аналитика трансформирует невозможность дискурса господина в бессилие, и его бессилие в невозможность»⁶⁴.

Дискурсивность субъекта — это не абстрактное теоретическое положение. Она включает в себя концептуальное признание производства и воспроизводства бытия и признание того, что реальность создается динамикой желания и практической реализацией либидо⁶⁵, или сублимацией. Уточняя понятие бессознательного, Лакан указывает, что его следует

⁶⁴ Мазин В. Лакан и космос//Лакан и космос. СПб., 2006. С. 44.

⁶⁵ В данном контексте под «практической реализацией либидо» следует понимать трансформацию желаемого объекта, когда пустота желания обретает реальное позитивное содержание.

понимать не в смысле чего-то *бес-понятийного*, а в смысле понятия «того-*бес-чего*», т.е. понятия нехватки⁶⁶.

Желание — это отношение бытия к нехватке. Будучи никогда не удовлетворяемым, желание отсылает к неосуществимости, к отсутствию Абсолютно Другого, к отсутствию целостности в самом мире и незавершенности бытия. «Быть» и «быть в языке» — разные модусы бытия. Речебытие (а не язык, как то было в ранней теории) заменяет, заступает место нехватки. Я не обладает полнотой Бытия, поскольку Бытие субъекта всегда в другом месте⁶⁷, а само Бытие никогда не исполнится самим собой, так как всегда будет чем-то Отличающимся. Это, на мой взгляд, основной тезис зрелой лакановской онтологии. Дополнен этот тезис может быть разве только тем обстоятельством, что предельным основанием, по сути метафизическим, этой онтологии выступает *поле наслаждения*.

Подобно тому, говорит Лакан, как поиск общих формул для термодинамического и электромагнитного полей безнадежно упирается в поле гравитационное, так и в аналитической теории необходимо ввести понятие нового энергетического поля, нуждающегося в иных структурах, нежели физические, — поля наслаждения.

С самого начала в психоаналитическом опыте субъективность выявлялась как что-то такое, что создается и выстраивается на поверхности организма. Организма, с одной стороны, удовлетворяющего свои потребности не в действительности, а галлюцинаторно, с другой — имеющего внутри себя механизм корректировки, исправления, который компенсирует тот путь, которым психический аппарат в целом следует. Речь идет о *принципе удовольствия и реальности*, сформулированных Фрейдом.

⁶⁶ Лакан Ж. Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа (1964). М., 2004. С. 32.

⁶⁷ Lacan J. Ecrits. New York, London, 1977. P. 633.

В мире все устроено по принципу удовольствия. Мы создаем реальность, пользуясь удовольствием: «Принцип реальности есть лишь продолжение принципа удовольствия»⁶⁸. Оказаться по ту сторону удовольствия означает начать действовать в соответствии с законом последней структуры, оказаться в точке схождения, к которой устремляется реальность как к собственному пределу, то есть смерти. По мнению Лакана, «ядро фрейдовского опыта» заключается в том, что принцип удовольствия и принцип реальности «по ту свою сторону» предполагают влечение к смерти или путь чистого наслаждения. Удовольствие противоположно наслаждению. «Принцип удовольствия действует как предел наслаждению, ведь принцип этот требует от субъекта минимума наслаждения. И субъект постоянно стремится нарушить установленные этим принципом запреты, выйти по ту его сторону. Результат же нарушения закона — не удовольствие, а боль. Это болезненное удовольствие Лакан и называет наслаждением, которое прочерчивает тропу смерти. Настойчивое стремление выйти по ту сторону принципа удовольствия прямо указывает на влечение смерти»⁶⁹. Принцип удовольствия, судя по аналитическому опыту, дан для того, чтобы обеспечить такой способ функционирования психики, который позволял бы избегать удовлетворения наслаждения. Вследствие чего наслаждение достигается не достижением какой-то цели, а повторяющимся движением по замкнутой символической цепи, что можно понимать и как *бесконечный процесс формализации*.

Вопросы для самопроверки

1. В чем сходство и различие понимания «бессознательного» у Фрейда, Юнга и Лакана?
2. Что принципиально нового возникает в понимании субъекта и его психики с возникновением фрейдовской теории?
3. Почему психоаналитическая теория может быть рассмотрена как частный случай философствования?

⁶⁸ Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия//Я и Оно. М., Харьков, 2003. С. 739.

⁶⁹ Мазин В. Введение в Лакана. М., 2004. С. 40.

4. Возможно ли единственно правильное историко-философское понимание психоаналитической теории Фрейда и Лакана?
5. Как соотносятся в мысли Фрейда и Лакана понятия «бытие» и «бессознательное»? И соотносимы ли они вообще?
6. Чему соответствуют три топики Фрейда в концепции Лакана?
7. Почему и за что Лакан подвергает критике философию Аристотеля?
8. Как меняется представление о норме и патологии у Фрейда и Лакана по сравнению с предшествующим психоанализу философским представлением?
9. Какие периоды в развитии лакановских идей можно выделить?
10. Что принципиально нового внес Лакан в развитие идей психоанализа Фрейда?
11. Что такое лингвистический поворот в психоанализе и как он звучит в работах Лакана?
12. Как изменилась трактовка субъекта в работах Лакана по сравнению с классической философской?
13. Удалось ли Фрейду и Лакану построить новую теорию субъективности, радикально отличающуюся от классической для истории философии?
14. В чем различие философского понимания «дискурс» от психоаналитического?

Задания для самостоятельной работы

1. Выпишите из текста темы 1 определения терминов «бессознательное», «Другой», «удовольствие», «наслаждение», «желание», «означающее», «означаемое». Сравните эти понятия и их определения с известными вам их аналогами из истории философии.
2. Напишите эссе о влиянии психоанализа на конкретные сферы гуманитарных или естественных наук.
3. Прочтите любую работу Лакана или связанный, законченный фрагмент. Дайте письменную интерпретацию прочитанного, с точки зрения историко-философского анализа.

Рекомендуемая литература по теме 1.

1. Петров Д. Б. Бытие, познание, субъект в философии Жака Лакана: историко-философский анализ/ Саратов: Изд-во «Научная книга», 2009.-46 с.
2. Петров Д.Б. Опыты о Лакане (вариант философского прочтения)/ CREDO NEW теоретический журнал// <http://credonew.ru/content/view/931/62/>
3. Психоаналитические термины и понятия: Словарь/ Под ред. Б.Э. Мура и Б. Д. Файна/Перев. с англ. А.М. Боковинова, И.Б.

Гриншпуна, А. Фильца. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 304 с.

4. Мазин В. Введение Лакана
[/http://modernlib.ru/books/mazin_viktor_aronovich/vvedenie_v_lakana/read/](http://modernlib.ru/books/mazin_viktor_aronovich/vvedenie_v_lakana/read/)

Тема 2. Эпистемологические проблемы психоанализа

Вопрос о том, чем является психоанализ — наукой, философией или искусством в отсутствие метатеории — двусмысленен и, судя по всему, все попытки дать на него однозначный ответ, будут терпеть фиаско. Однако это обстоятельство не снимает задачи понимания эпистемологической природы аналитической теории и практики.

Современный уровень философского осмысления психоанализа обнаруживает как минимум три типа его понимания и исследовательской работы с ним: феноменолого-герменевтический, сциентистский и структурно-лингвистический. Теоретики психоанализа приходят к выводу о том, что в психоанализе соединились различные компоненты природного и духовного освоения мира, искусство и социальная мифология, этика и ремесло, философия и практическая рецептура. Однако проблемный стержень психоанализа создается все же именно познавательной интенцией. Соответственно, и вызов, который бросает философско-теоретическому знанию психоанализ, прежде всего — эпистемологический. В этом параграфе обратимся к вопросу о теоретико-познавательных условиях выявления структуры бессознательного, которая определяет, с точки зрения Лакана, мотивацию субъекта культуры. В чем специфика эпистемологии психоанализа? Какой опыт, материал, какие эмпирические, фактуальные основания позволяют выстраивать Лакану психоаналитическую рефлексию о бытии, знания и культурной сферы человеческой реальности в целом?

С самого начала укажем на исходные предпосылки лакановской эпистемологии. Сверхзадачей Лакана было описание трансцендентального субъекта в имманентных формах, главной из которых в его концепции, как указывалось ранее, является желание. Обращаясь к фрейдовскому полю симптомов, оговорок, сновидений, остроумий и т.д., Лакан видит, прежде всего, сферу субъекта-как-субъекта. Мы не можем *знать* этот субъект, ведь тогда он опять предстанет перед нами как объект. Субъект-как-субъект не познан, а признан. Таково принципиальное гегеле-кожевское допущение Лакана. Поэтому субъект лакановского толкования (после Фрейда) больше не субъект познания, а *субъект признания*. То есть Лакан работает с желанием субъекта, а не с его ложным Эго.

Основная теоретико-познавательная установка Лакана сформировалась в структуралистский период его творчества с середины 60-х по начало 70-х гг., главным образом, под влиянием антропологии Клода Леви-Стросса, лингвистики Фердинанда де Соссюра и лингвопоэтики Романа Якобсона. Структурализм на время занял место новой рациональной теории общества, утверждающей, что разнообразные культурные формы, встречающиеся в реальности, отражают ряд когнитивных оппозиций, возможных вариантов проявления первоформы, моделирующих, в более фундаментальном плане, структуру человеческого ума.

Основная специфика структурализма заключалась для Лакана, прежде всего, в том, что он позволял рассматривать все явления, доступные чувственному, эмпирическому восприятию, как эпифеномены, т.е. как внешнее проявление или манифестацию внутренних, глубинных и поэтому «неявных», бессознательных структур, вскрыть которые и было главной задачей структурного анализа.

Базовым понятием, которым оперировали теоретики структурализма, был постулат о коллективном характере языка и о его изначально

коммуникативной и конвенциональной природе. Структуралисты отстаивали тезис, согласно которому язык и его конвенции одновременно порождают и ограничивают видение человека вплоть до того, что само восприятие действительности структурируется языком; т.е. язык стали рассматривать как основной законодатель творчества на всех уровнях, начиная с фонетической организации языкового материала и кончая моделирующей и конституирующей способностью специфическим образом организовывать познавательный универсум — эпистему. Развитие собственно лакановских познавательных принципов структурного психоанализа в его самом широком подходе к культуре и ее формам первоначально базировалось на главных положениях структуральной антропологии К. Леви-Стросса как методологическом направлении в изучении социокультурных явлений: 1) явления культуры рассматриваются в синхронном срезе общества, в единстве своих внутренних и внешних связей; 2) явления культуры анализируются как многоуровневое целостное образование, а связи между его уровнями истолковываются в семиотическом ключе, т.е. как язык; 3) исследование культурного явления производится непременно с учетом его вариативности — в рамках конкретной культуры или более широкой области, где происходила его трансформация.

Конечный результат исследования — моделирование «структуры», то есть предполагаемого алгоритма, который определяет скрытую логику, присущую как отдельным вариантам явления, так и виртуальным переходам от одного варианта к другому, или иначе, присущие культуре способы, модели перехода от одного к другому варианту того же явления.

Заимствуя у Соссюра идею системы, согласно которой означающие обретают свои очертания в игре оппозиций и различий, а у статической теории — идею комбинаторики, методы которой позволяют улавливать случайное сетями закона, Лакан выдвигает тезис о том, что природа языка в

комбинаторной силе, организующей в нем (языке) двусмысленность⁷⁰. Отсюда конечной целью лакановской структуралистской критики было провозглашено выявление во всяком культурном феномене замкнутой, в смысле определенности собственных стохастических (случайных, неопределенных) закономерностей, комбинаторики сцепления означающих, комбинаторики, которая изнутри ориентирует всякую речь человека, навсегда включившего в себя Другого. Исходя из этого, всякое произведение искусства, система конвенций и любой символический факт хотя и имеют в своей основе некую определенную структуру, могут функционировать, значить что-то для нас, только если они будут поняты как Зияние, генерирующие смыслы, как Отсутствие и полость, о которой мы догадываемся только по репрезентируемым ею смыслам — сама же она никаким конкретным смыслом не может быть заполнена.

Принимая фундаментальную идею Леви-Стросса о том, что культуру мы должны понимать как структуру, которая работает точно так же, как язык, Лакан формулирует тезис: язык и речь являются конкретным эмпирическим материалом психоаналитической эпистемологии. Это программное заявление сделано Лаканом не только исходя из принципов структурного метода, но и в связи с общей эпистемологической проблематикой фрейдовской теории, которая определена спецификой психоаналитического факта.

В силу методологической специфики психоанализа, выделяющей его даже в ряду гуманитарных дисциплин, его характерной чертой является взаимопронизанность, почти единство мифологизированных и научных элементов. Поэтому плодотворное, эвристически эффективное усвоение фрейдовских идей обязательно предполагает демифологизацию фрейдизма⁷¹.

⁷⁰ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 39

⁷¹ Серьезная работа в этом направлении среди отечественных теоретиков психоанализа была проведена пока только в книге: Руткевич А.М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития. Курс лекций. М., 1997.

Ведь ясно, что если разумно отбросить все мифологемы, идеологемы и иллюзии этого метода, психоанализ является не воображаемым, а реально существующим феноменом знания с мощными прикладными техниками, которые прочно и по праву заняли свое место в ряду гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

На серьезные когнитивные возможности психоанализа и, в месте с тем, на необходимость строгого критического подхода к нему указывал Л. Витгенштейн, говоривший о себе как об «ученике» и «последователе» Фрейда: «В ходе аналитической процедуры можно открыть много разных вещей относительно самого себя, однако нужно обладать очень сильной, острой и настойчивой критической установкой, чтобы распознать навязываемую человеку мифологию»⁷².

С самого начала теория Фрейда перешагнула границы клиники и медицины. Несмотря на то, что Фрейд настаивал на научном статусе своей теории и всячески стремился подчеркнуть свою непричастность к философии, психоанализ с момента своего возникновения не только претендовал на широкое обобщение философского характера, но и включал в себя скрытую установку на создание особой психоаналитической философии. Фрейд и сам неоднократно писал, что его работы о толковании сновидений, об остроумии и ряд других с самого начала показали, что психоаналитическое учение не ограничивается областью медицины, а может быть использовано в различных науках о духе. Так и произошло - психоанализ не ограничился клиническими проблемами, а занял общесоциальные позиции.

Гуманитарный полюс аналитической теории (в сравнении с естественнонаучным) оказался настолько сильным, что представители герменевтической философии обвинили Фрейда в «сциентистском

⁷² Витгенштейн Л. Беседы о Фрейде//Лекции об эстетике, психологии и религии. М.,1999. С.90-91.

самонепонимании» относительно открытого им метода. Представители герменевтики не оспаривали этиологические и психотерапевтические гипотезы клинической теории Фрейда, а выступили с резкой критикой против естественнонаучного статуса психоанализа.

Поль Рикер, участник лакановских Семинаров, был одним из немногих философов, признавших реальность бессознательного. Он признал, что бессознательное это не просто двусмысленность поступков, не просто будущее знание, которое уже сейчас знает о себе, что себя не знает, а лакуна, разрыв, вписанный в определенную нехватку. Однако признание это одновременно содержало противопоставление естественнонаучной установке Фрейда и структурализму Леви-Стросса и Лакана герменевтики бессознательного. Рикер уделил большое внимание вопросу философской интерпретации Фрейда, при решении которого пришел к следующему выводу: психоанализ сможет реализовать свою задачу, лишь соединившись с интегральной интерпретацией культуры⁷³.

Юрген Хабермас не только указал на то, что единственным средством проверки универсальных гипотез Фрейда является индуктивный вывод на основе конкретных истолкований, т.е. герменевтическая редукция, но и призвал психоаналитиков отказаться от выявления причинных связей⁷⁴.

Заслуга герменевтов, таких, как Поль Рикер, в том, что они в определенной мере интегрировали теорию бессознательного в дискурс философии, но попытались навязать психоанализу процедуры истолкования, ему чуждые.

Сказанное выше иллюстрирует то, что теоретическая бескрайность и высокий уровень междисциплинарных возможностей психоаналитической теории порождает ряд существенных проблем. Одной из них является

⁷³ Рикер П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1996. С.47.

⁷⁴ Habermas J. Knowledge and human interests. Boston, 1971, P.271.

проблема методологического и теоретического единства, приводящая к разногласию и хаосу внутри аналитической парадигмы, возможности противоположенных истолкований клинического опыта. С другой стороны, это множество породило положительный эффект экспериментальных психоаналитических конструкций, многие из которых оказались научно-целесообразными.

С самого начала Фрейд настаивал на естественнонаучном статусе новой клинической теории. Для научного обоснования своей теории он использовал главным образом критерии гипотетико-дедуктивного вывода. Причинное объяснение в клинической теории психоанализа Фрейд предложил строить с помощью апелляций к бессознательным психическим процессам. Оно (причинное объяснение) основано на двух важных индуктивных выводах: за симптомом скрыта вытесненная травма (1) и подавлен аффект, порожденный травмой (2). Насколько правомерен проект Фрейда с точки зрения философии науки?

Главным вопросом психоаналитической эпистемологии по сегодняшний день остается специфика психоаналитического факта. Фундаментальных «фактов» в психоанализе немного: бессознательное, вытеснение, повторение, сопротивление и перенос. Однако факты эти специфичны по своей структуре, и жесткие критерии аналитической проверки — верификация, фальсификация и гипотетико-дедуктивный вывод — к психоанализу применимы с трудом. Дело здесь заключается в том, что все они будут учитывать лишь какой-нибудь один фактообразующий момент, не регистрируя других, значимых. Они упускают либо повторно-подкрепляющее звено, либо эмоционально-интерпретативное и т.д., без учета единства которых не существует психоаналитического факта.

Диалектика методологии и предмета любой науки, согласно Т. Куну, состоит в том, что вопрос, «как» изучать нечто, с необходимостью предзадан вопросом о том, «что» собираются изучать⁷⁵.

Психоаналитический факт одновременно и доказывает существование бессознательного, и находится в центре психоанализа как метода. Факт этот можно толковать двояко: с одной стороны, как познавательное образование, имеющее отношение к существованию некоего предмета и фиксирующее этот предмет в теории; с другой — это тот факт, с которым имеет дело терапевт, то есть факт индивидуальной биографии данного человека. Только факты первого рода могут быть проверены и подкреплены экспериментами.

Сложность процедуры верификации психоаналитического факта в том, что внутри него единой цепью связаны разнородные события, относящиеся к разным временным отрезкам⁷⁶. В психоанализе, по сути, мы не имеем дело ни с «атомарными» позитивистскими, ни «нарративными» герменевтическими фактами, но с фактообразующей цепочкой, состоящей не меньше чем из четырех звеньев, что не позволяет, к примеру, *вытеснение* удостоверить как нечто цельное и атомарное. Дело в том, что бессознательное образуется в результате двухступенчатого вытеснения, двух сходных событий, из которых только второе и есть вытеснение как таковое. Бессознательное строится на трех сценах, происходящие события на которых разновременны и соединяются в целое только в воображении или памяти субъекта. Событие случается в одном времени и пространстве, становится травматогенным в другом времени и пространстве и может прекратить свое болезнетворное воздействие в третьем, экспериментальном психоаналитическом времени и пространстве. Таким образом, психоаналитический факт — это сплетение и взаимная реакция нескольких

⁷⁵ См.: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 45.

⁷⁶ О специфике психоаналитического факта в общем ключе см.: Амадо Е. К эпистемологии бессознательного// Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4-х т. Т. 1. Тбилиси, 1978. С. 142.

следов и нескольких времен. Столь сложно организованное образование с трудом встраивается в позитивистские критерии фактуальной проверки, что совершенно не учитывал К. Поппер в своей критике психоанализа⁷⁷. Но известно, что если пользоваться критериями научности, предложенными в рамках методологического позитивизма и критического рационализма, то собственно к науке можно отнести лишь немногие дисциплины. Поэтому уже в работах Пола Фейерабенда позитивистская аргументация возвращается к исходной точке: на основе жестких критериев наука практически невозможна. А согласно Х. Патнему, психоанализ вполне отвечает такому определению, как «способ конструирования реальности»⁷⁸. Трудности в построении и обнаружении психоаналитического факта не свидетельствуют об отсутствии каких бы то ни было критериев верификации теории и практики психоанализа. Н.С. Автономова по этому поводу пишет: «Прочность психоаналитического факта обеспечивается механизмом “двойной рефлексивности”, двух надстраивающихся друг над другом “отношений”. Первое отношение связывает изначальный след и его повторение (причем само это отношение уже есть некая предпосылка будущей структуры, условие умопостигаемости); второе отношение связывает эти следы с их изживанием и прояснением в пространстве психоаналитической ситуации. Эти отношения, вместе взятые, оформляют телесно психический материал и создают особым образом обработанную и достроенную “психоаналитическую” реальность»⁷⁹.

Серьезная эпистемическая критика психоаналитической теории⁸⁰, указывая на довольно большое число слабых сторон ее познавательных процедур, тем не менее, опровергает утверждение К. Поппера о непроверяемости психоаналитической теории. Верификация или

⁷⁷ Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 242.

⁷⁸ Патнем Х. Философия сознания. М., 1998. С. 40.

⁷⁹ Автономова Н.С. К спорам о научности психоанализа// Вопросы философии, 1993, №4. С. 65.

⁸⁰ Имеются в виду, в частности, работы А.Грюнбаума.

фальсификация главных положений Фрейда возможны преимущественно в ходе хорошо организованных внеклинических исследований — эпидемиологических или же экспериментальных.

Основные особенности психоаналитического материала в рамках лакановской теории субъект-субъектного взаимодействия и специфику его лабораторных условий можно сгруппировать следующим образом:

1. Затруднения в проверке психоаналитического факта основываются на том, что главным рабочим материалом является речь пациента. Психическая жизнь человека обнаруживает разрыв между словесным и аффективным, то есть смысловые и эмоциональные моменты подчиняются совершенно различной логике, и, следовательно, динамика их оказывается разной.

2. Психоаналитический субъект не совпадает ни с аналитиком, ни с пациентом. Важнейшая его характеристика в психоаналитическом опыте — «расщепленность», под которой следует, прежде всего, понимать феномен существования в психике параллельных рядов явлений, которые непроницаемы и несводимы друг к другу.

3. Бессознательное как объект психоаналитической теории и практики качественно неоднородно. В бессознательном сосуществуют: «животное» (архаическое) бессознательное, «групповое» (психосемейное) бессознательное и «социальное» бессознательное.

Исходя из лакановской практики и теории можно заключить, что специфику психоаналитического факта определяет то, что он работает с вербальной структурой субъекта: «все, чем располагает психоанализ — это речь пациента»⁸¹. Язык и речь и есть подлинный материал, ткань психоаналитической эпистемологии. Психоанализ работает с исключенным

⁸¹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С.11.

объектом науки — с субъектом бессознательного, условием которого выступает язык. Это то, что не позволяет психоанализу вписаться в парадигму сциентизма. В свое время Л. Витгенштейн указывал на то, что одним из источников философских заблуждений является увлечение методом науки, т.е. методом сведения объяснения природных явлений к наименьшему возможному числу примитивных естественных законов: «У философов перед глазами постоянно находится метод науки, и они испытывают непреодолимый соблазн задавать вопросы и отвечать на них так, как это делает наука. Эта тенденция есть подлинный источник метафизики, и она заводит философа в полную темноту»⁸². Суждение Лакана еще более радикально. Философия и наука рассматриваются Лаканом как виды мирового человеческого опыта, подобные другим. По этой причине наука сама является объектом анализа, и предстает в психоаналитическом опыте как один из фундаментальных дискурсов, конституирующих субъективность, а в топологическом смысле как место, из которого говорит субъект. С этих позиций понятие эпистемологии психоанализа видится как то, что должно быть переосмыслено.

Фрейд, как известно, соглашался на подчинение психоанализа психологии, так как не считал психологию наукой с жесткими границами и строгими эпистемологическими критериями, которые априорно заданы философами. Лакан полагал, что считать психоанализ одной из отраслей психологии было бы превратным толкованием фрейдовского учения. Психология есть наука о душе. Если мы думаем о душе как о некоторого рода вещи, т.е. как об объекте научного исследования, то психоанализ наукой о душе не является. Глубокое убеждение Лакана заключается в том, что психоаналитическая практика не должна осуществляться в связке с научной теорией определенного объекта, а именно — сознанием. Выделение речи

⁸² Витгенштейн Л. Голубая книга// Голубая и коричневая книги. Предварительные материалы к «Философским исследованиям». Новосибирск, 2008. С.47

среди других факторов, особая роль слова служат, по Лакану, основанием для выхода психоанализа за пределы психологии.

Такая трактовка отношений между психоанализом и психологией сложилась у Лакана не сразу. В начале 30-х годов Лакан уже противопоставляет позицию психоаналитика и психиатра: подчеркивая значение психологической открытости психоаналитической практики, он считает главным новаторством Фрейда введение в психологию понятия энергетика. Тем не менее, в этот же период Лакан полагает, что фрейдовская точка зрения дает концептуальный каркас для обоснования такой науки о конкретных фактах, как психология. Но уже в 50-х годах Лакан подвергает резкой критике установку на сближение психоанализа и психологии по причине существенной разницы в основном содержании их опыта. Примеру Лакана последовало большинство французских психоаналитиков. С чем это связано? Коротко аргументы Лакана и его последователей в обосновании своей позиции можно сформулировать так:

1. Академическая психология интересуется исключительно лишь индивидом и его психическими функциями (память, воображение, разум, эмоции). Учет межсубъективных, межчеловеческих отношений позволяет продвинуться к области «интерпсихологии» и сделать шаг вперед. Тем самым психологии как науке об индивиде противопоставлен психоанализ, как наука об интерсубъективных отношениях, в которой концепция личности строится на основе Эдиповой триады.

2. Основные понятия психоанализа не укладываются в основу общей психологии. Психоанализ и психология основываются на различных и порой противоположных по смыслу понятиях субъекта и «Я». С позиций критики интроспекционизма, психология есть не что иное, как психология сознания, тогда как психоанализ доминирующим фактором психической жизни индивида видит бессознательное.

3. Объектом психоанализа в отличие от психологии являются не любые фантазии и воображаемые представления, но лишь те главные бессознательные фантазмы, которые связаны с процессами, не подвластными законам общей психологии.

4. Специфику психоанализа, в отличие от психологии, составляет то, что его область — это своеобразная психическая реальность, которая несводима к определению реальности как совокупности психических функций. Речь идет о независимой реальности, энергетически обеспечивающей выполнение всех функций под действием принципа удовольствия и в отрыве от внешней реальности.

5. Психологии, несмотря на все свои стремления к экспериментальной строгости и желание соответствовать позитивистским требованиям, никогда не удавалось догнать в этом соревновании науки о природе. Психоаналитический опыт выходит за рамки точной науки и включается в порядок герменевтики, эстетики и философии, оставляя на долю психологии нелепые попытки подражать наукам о природе.

Выделение речи среди других факторов (жесты, мимика, анализ жизненных событий и т.д.) было направлено, прежде всего, против «понимания» (осознания) и против интуитивных актов (инсайтов), которые могут возникать и вне рамок психоаналитического сеанса и вовсе не обязательно выражаются в слове. Таким образом, психоаналитическое лечение в строгом смысле слова сосредотачивается исключительно вокруг того, что говорится пациентом.

Подобный радикализм заключал в себе, с точки зрения Лакана, немало эпистемологических преимуществ. В первую очередь это позволяло вписаться в движение за отказ от интроспекции, на что делали ставку в борьбе с психологией Конт и бихевиористы. «Близкие Лакану психиатры-

органицисты подчеркивали, что в отличие от внутримозговых процессов с их надежностью и объективностью исследуемые психологом чувства и представления имеют лишь призрачное существование. Выдвижение на первый план слова, превращение его в единственное содержание психоаналитического опыта, рассматривалось как то, что способно придать психоанализу если и не объективность, то хотя бы надежность, сближающую его с физиологическими процессами»⁸³. Такой подход оказался актуальным и востребованным еще и благодаря тому, что во Франции в этот период значительно возрос престиж структурной лингвистики. Корреляция психоаналитической эпистемологии с теорией структур оказалась долгосрочным и весьма плодотворным проектом. В этом, с точки зрения Лакана, было и другое, не менее значительное преимущество: сближение психоанализа со структурной лингвистикой позволяло более резко противопоставить его психологии и размежеваться с типичными концепциями психологии культуры.

Представление о том, что речь субъекта культуры конституируется традицией в этнографическом смысле, или хоть как-то тождественна ей, психоанализом Лакана ставится под сомнение. «Бессознательное — это бессознательное семейных традиций»⁸⁴.

С критикой лакановского «фамилиализма» и ряда других положений психоанализа Лакана, в контексте методологии шизоанализа выступили философы Ж. Делез и Ф. Гваттари. В отличие от психоаналитической интерпретации бессознательного как травмирующим образом детерминированного со стороны внешних факторов, метод Делеза и Гваттари постулирует возможность и необходимость конституирования субъективности (бессознательного) в качестве свободного, и в первую очередь это предполагает свободу от внешнего причинения, принудительной

⁸³ Брес И. Психоанализ и психология// Вопросы философии, 1992, № 12. С. 52.

⁸⁴ Лакан Ж. Семинары. Книга 17. Изнанка психоанализа (1969-1970). М., 2008. С. 113.

каузальности.

Понятно, что такой постулат влечет за собой аксиологическую негацию символа Отца в его традиционном психоаналитическом понимании и интенцию на разрушение Эдипова комплекса как базового символа психоанализа. «Функция Эдипа как догмы или «нуклеарного комплекса» неотделима от насилия, с помощью которого психоаналитик-теоретик достигает концепции обобщенного Эдипа»⁸⁵.

Несмотря на то, что в этом постулате метод шизоанализа сближается с лакановским психоанализом, усматривающим в символическом порядке языка деспотизм и символизацию отцовской доминанты, Делез и Гватари указывают на то, что лакановское замечание о том, что желание «порождено смертью» предполагает, что желание (которое, по Делезу, есть производство в определенных социальных условиях, не нуждающееся в либидо и сублимации⁸⁶) неизбежно зависимо от символического регистра (языка), и, таким образом, от Эдипова комплекса кастрации/смерти. «Лакановский психоанализ — возвращение к Эдипу-деспоту от образа Эдипа»⁸⁷. Язык, по Делезу и Гватари, есть незначительная часть вне языкового поля, которая представлена машинами желания. Мир желания — это мир, где все возможно, желание не испытывает нехватки. Исходя из этого, умозаключают философы, Реальное не есть невозможное, напротив, в Реальном все возможно⁸⁸. Желание нетравматогенно, как в том убеждает Лакан. По оценке шизоанализа, «психоанализ принимает участие в буржуазном угнетении в самом общем виде». Сущность такого участия психоанализа, как полагают Делез и Гватари, заключается, в продвижении и культивировании идеи детерминированности и параноидальной травмированности бессознательного со стороны внешних по отношению к нему социальных структур (к примеру,

⁸⁵ Делез Ж., Гватари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М.,1990.С.12.

⁸⁶ Делез Ж., Гватари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М.,1990. С.9.

⁸⁷ Там же. С.29.

⁸⁸ Там же. С.9

детерминационная зависимость от такой «псевдоструктуры», как семья). Таким образом, психоанализ эдипизирует не только бессознательное, но и сознание, и культуру в целом. Причем, важно то, как указывают Делез и Гватари, что эта идея детерминированности бессознательного популяризируется вне какой бы то ни было попытки исследования условий возможности его свободы.

Психоаналитическая процедура, по выражению философов, «калькирует» отцовскую доминанту (заведомая автохтонизация бессознательного), тогда как бессознательное — в свободном своем проявлении — должно быть не однозначной линейной «калькой», но открытой для версификационных прочтений «картой». В противоположность этому, Делез и Гватари в своем методе шизоанализа формулируют диаметрально противоположенные задачу и цель. Задача: добиваться совсем другого состояния бессознательного. Цель: отказаться от редукционизма бессознательного и заново создать его на основе новых высказываний и других желаний. Делез и Гватари рассматривают бессознательное как атомарную машину высказываний, а не как лакановскую историю субъекта. Бессознательное не репрезентативно, оно — продуктивно⁸⁹. Машины желания составляют микрофизику бессознательного. Бессознательное, понятое как история субъекта, подлежит редукции к одному единственному корню. Древесной, фаллической модели Лакана Делез и Гватари противопоставляют идею «ризомы», травяной системы, не имеющей единого корня, ствола, ветвей. Ризома — случай открытой системы, в данном случае бессознательного.

Поскольку бессознательное трактуется Делезом и Гватари в качестве самодетерминирующейся процессуальности, т.е. как «то, что само себя производит в тождестве природы и человека»⁹⁰, то и основным пафосом

⁸⁹ Делез Ж., Гватари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М., 1990. С. 24.

⁹⁰ Там же. С. 11.

здесь является высвобождении бессознательного из-под гнета «псевдоструктур», освобождении шизоидальных потоков желания от параноидальных ограничений, к примеру, лакановского фаллоцентризма, как деспотизм означающего, желание матери, или желание желания Другого⁹¹. Делезовский перверсивный шизодискурс (т.к. перверсия «субверсивна») направлен на отмену бессознательного. Критика Делезом истерического дискурса Лакана должна была, судя по замыслу, привести к отмене фетишизации Другого, отмене вопрошаний, присущих истерику: что я для Другого? Что хочет от меня Другой?

В контексте оппозиции «Шизофрения — Паранойя» (Лакан исходил из паранояльной структуры сознания) Эдипов комплекс и функция отца Делезом и Гватари локализуется на предельно параноидальном полюсе, в то время как «шизофреник сопротивляется невротизации»⁹². Имя — Отца к нему не «прилипает»⁹³, а потому он фактически персонифицирует собой свободу, выступая носителем бессознательного, прорвавшегося сквозь ограничения «социальных машин» и реализовавшего себя поперек жестких направляющих осей интегральных «псевдоструктур» социальности, в первую очередь, семьи.

Необходимо заметить, что, во-первых, «шизо-восстание» поднимается не столько против Эдипа, сколько против того, с чем сочленено это психоаналитическое понятие — против стабилизации идентичности, против авторитарного Закона, против символического меча «кастрации»; во-вторых, как справедливо отмечает В. Мазин: «Бунт совершается не против Фрейда и Лакана, но против /уже масс-медиа/ «Фрейда» и «Лакана». Шизоаналитическая работа ведется не в текстах Фрейда и Лакана, но в функционирующих в поле масс-медиа идеях. Шизоатаке подвергаются не

⁹¹ Там же. С.40.

⁹² Делез Ж., Гватари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М.,1990. С.37.

⁹³ Там же. С.15.

столько лакановские теории, сколько тот идеологический порядок, который они поддерживают»⁹⁴; в-третьих, Лакан укоренен в языке настолько глубоко, что даже нападки на него таких значительных оппонентов, как Делез и Гватари, существенно не ослабляют его позиций.

Более того, Делез и Гватари сами предлагают по сути иррациональный и сексуализированный вариант идеи «духовного производства», идеи возникшей под влиянием неомарксизма франкфуртской школы и доведенная до своей крайности. Несмотря на это, с точки зрения философской рефлексии психоанализа, теоретические разработки Делеза и Гватари — несомненный шаг вперед⁹⁵.

То что, психосемейное бессознательное закрепилось в качестве центрального объяснительного принципа при анализе феноменов Я, сознания и культуры имеет свое четкое обоснование. Связано оно, в первую очередь, с тем, что психоанализ является особой экспериментальной ситуацией изучения опыта человеческого созревания и структурирования в семье *через работу с языком*. Именно в языке, так или иначе, фиксируются нарушения или нехватки структурирования семейных отношений, ролевые нечеткости. Схваченное в языке удерживается прочнее, чем построенное воображением, и охватывает более широкую область, нежели сфера собственно осознанного. Психоанализ с самого своего основания имеет привилегированный доступ к самому важному и, во всяком случае, первичному «месту» формирования субъекта — к его вызреванию и структурированию в рамках семьи. Речь идет о трудном процессе телесного созревания человека при сверхдлительном (в сравнении с животными) периоде его зависимости от других людей, так что особенности такого вызревания не просто накладывают отпечаток на жизнь

⁹⁴ Мазин В. Пять парадоксов об актуальности шизоанализа Делеза и Гватари//Критическая масса, 2004, №4. С.28.

⁹⁵ См. Кети Чухрукидзе http://lacan.narod.ru/ind_lak/my_11.htm

человека, но во многом конституируют его духовную и ментальную организацию.

Таким образом, обращают на себя внимание, по крайней мере, три эпистемологические проблемы:

1. Морфология семейных отношений бесспорно должна учитываться при реконструкции потребностей и представлений субъекта. Но учитываться она должна всегда с поправкой на социологические данные о структуре и динамике семьи конкретного исторического общества. Типовая западная и российская семья — различные социокультурные образования, и функционируют они неодинаково.

2. Каждый новый анализ — это новая версия теории и новая практика. Поэтому эпистемологическая задача психоанализа должна заключаться в том, чтобы на основе конкретных ситуаций вычленять общезначимое и вводить в сферу коммуникации то, что, казалось бы, недоступно сообщению и передаче от одного лица к другому. Это стремление к общезначимому логическому выражению индивидуального опыта дает психоанализу место в «поле науки». Однако на нынешней ступени своего развития психоанализ наукой не является.

3. Если принимать во внимание, что опытом психоанализа является то, что бессознательное функционирует согласно иной логике, чем система сознания, архаичной и абсолютно неустранимой, и что для проникновения в интимный душевный мир необходимо учитывать провалы и недочеты сознательной речи, которые говорят не только о «незнании», но и о «страдании», то эпистемологическое затруднение заключается в том, в какой степени обоснованы те конкретные истолкования, которые дает выявленным означаемым аналитик. Реализуют ли в данном случае именно эти истолкования те потенциальные возможности, вносящие определенную

упорядоченность и смысл в хаос сновидений и психосоматических состояний?

Указанные эпистемологические проблемы — не единственные в своем роде, но они наиболее характерны для того типа психоанализа, который был переосмыслен с позиций лингвистики и структурализма. Главный эпистемологический вывод, сделанный Лаканом в ходе такого переосмысления: *структура бессознательного может быть познаваема в силу своей аналогии со структурой языка.*

Лакан отдает должное языку, потому что видит сущностное отличие психоанализа не только от сциентистских теорий, но и от любого медицинского лечения, так как психоанализ работает с речью. Если в речи может быть изменен симптом и высвобождены творческие способности субъекта, значит, бессознательное само конституировано той же «субстанцией», что и достигающая его речь. Мысль о том, что бессознательное структурировано как язык, бесспорно, содержит в себе отсылку к философии Беркли.

Дж. Беркли учил о том, что поскольку существует лишь наше восприятие, то то, что мы называем материей и что сковывает нашу мысль — не что иное, как структура нашего восприятия. Сходным образом и Лакан утверждает, что психоанализ действует благодаря речи, поскольку бессознательное само обладает лингвистической структурой. Это лакановское положение не следует понимать как то, что полностью соответствует структуралистской концепции. Смещение внимания с плоскости на уровневость, с тождества на дисперсию, с первоначал на одновременность расчлененного поля сознания, с континуальности и непрерывности на прерывность является, по мнению ряда исследователей, показателем «неклассичности» познавательной установки, в том числе, и в ее структуралистских тенденциях.

Позиция Лакана является исключением в ряду структуралистского подхода к проблеме субъективности и сознания, так как исходит из того, что структура и субъект являются не сводимыми друг к другу категориями.

Бессознательное, с одной стороны, должно, в соответствии с новым клиническим опытом и новым перепрочтением Фрейда, пониматься по аналогии со структурой языка. С другой стороны, Лакан отрицает подход к индивидуальному сознанию как к системному целому, формирование и развитие которого следует универсальным внутренним законам, общим для каждого индивидуума. Основу психического мира личности составляет не эгоцентрическая системность, но диалогическое *желание*. Такое диалогическое взаимодействие понимается не как сочетание и координация двух монологов, но как ситуация принципиального несоответствия между участниками, без которого монологическое самовыражение каждого из них не могло бы иметь места. Такая перспектива, как справедливо замечает Б. Гаспаров, «отодвигает системный аспект знаковой коммуникации на задний план, в качестве частного явления на фоне всеобщей диалогической дисконтинуальности»⁹⁶. Соответственно, неоднородность и незамкнутость выступают не как частное состояние системы (как это стремились показать работы по структурной семиотике), но как изначальный принцип, делающий невозможным постулировать системный порядок даже в качестве идеальной исходной точки отсчета»⁹⁷. Лакан сильнее, чем кто-либо, сделал акцент на центробежной силе языка и социального поведения: денатурализация и десексуализация Лаканом фрейдовского импульса культуры — это движение внутрь культуры, десемантизация соссюровского знака — это движение вовне, прочь от культурной устойчивости и типичности.

⁹⁶ Здесь под дисконтинуальностью следует понимать системность общих понятий, опосредованную исключениями.

⁹⁷ Гаспаров Б.М. В поисках «другого»: французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов//НЛО. 1996, № 14. С. 65.

Анализ человеческой реальности опирается на понятие *разнородности* — вместо понятия *система*, «броуновское движение» диалогических схождений и расхождений — вместо координации поведения на основе общего культурного кода, а вместо чувства принадлежности к культурному сообществу вводит понятие обращенного вовне *желания*, постоянно устремленного к *другому*.

В отличие от того, что принято понимать под структурализмом, в лакановской философии связь между эпистемологией и структурой выстраивается не на системном аспекте знаковой коммуникации, а на принципе всеобщей диалогической дисконтинуальности, т.е. системности общих понятий опосредованной исключениями. Структурализм лакановской теории, в большей степени наводит на мысль об «отсутствующей структуре», чем на очевидное ее (структуры) явление/обнаружение. Это связано с пересмотром Лаканом методов структуралистского исследования. Заблуждение структурализма, в том, что поддавшись соблазну универсализма, серия выпрямляется в структуру, промежуточный этап исследования выдается за последний предел, за лик Последней Реальности.

С целью исправить ошибку структурализма Лакан смещает акцент с понятия Символическое на понятия Реальное и Вещь, посредством которых обосновывает мысль о том, что структура открывается только по мере своего прогрессирующего исчезновения. В качестве отсутствующей структура, являющаяся конституитивной для всякой структуры, сама по себе не может быть структурирована. Идея «отсутствия» в дискурсе Лакана предстает как залог онтологической фундаментальности. «Выявление комбинаторики означающего и упорядочение сцепления означающих есть последняя, но не окончательная возможность структурировать Отсутствие, которое есть само Бытие как различие и которое утверждает себя по ту сторону всякой попытки структурной методологии». Так соединяются между собой лакановская онтология и эпистемология.

По мнению У. Эко, такой теоретический ход фактически ничего не решает, так как понятие Реального все равно является всего лишь знаком того, что за этой структурой скрывается еще более окончательная, еще более отсутствующая структура⁹⁸. Лакан, однако, всегда настаивал на том, что Реальное не совпадает с символически структурированной реальностью, а является пределом ее мыслимости в языке.

Если все проявления человеческого духа являются отражением существующей первичной структуры, которая наиболее полно воплощена в бессознательном, или, по Лакану, в языке, то возникает вопрос: что делает язык детерминирующей структурой? Некое конституитивное отсутствие, не-бытие как источник всех возможных оппозиций. Речь идет о бинарности, бинарной структуре: цепь означающих формируется при помощи наличия и отсутствия признака. Эта упорядоченность выстраивается вокруг фундаментальной оппозиции «да» и «нет». Оппозициональное отсутствие становится значимым только в присутствии чего-то, его выявляющего. Пустое пространство между двумя сущностями, которых нет, обретает значение только в том случае, если все значимости — «да», «нет» и пустое пространство между ними — взаимообуславливают друг друга. И «если структуралистское отсутствие говорит о том, что на месте того, чего нет, появляется что-то другое, то у Лакана всякая представленная вещь имеет смысл постольку, поскольку выявляет само отсутствие»⁹⁹. То есть, «отсутствие» в лакановском универсуме появляется не в связи с формированием цепи означающих через указание на присутствие и отсутствие. Цепь означающих формируется через оппозиции и различия, поскольку уже имеется некое конституитивное «отсутствие». Исходя из этого, не-бытие, или пустота — это не провал между двумя членами оппозиции, а источник всех возможных оппозиций. Это положение дало основание Ж.А.

⁹⁸ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. С. 417.

⁹⁹ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. С. 433.

Миллеру говорить о том, что центр лакановской структуры в Реальном, а не в Символическом, вопреки тому, что сам Лакан учил об обратном¹⁰⁰. Действительно, описание Лаканом инстанции Реального дает основание понимать его (Реальное) как то звено в цепи знания и бытия, которое системе не позволяет стать системой. Безусловно, такое противоречие объясняется трансформацией лакановской теоретико-познавательной установки, означенной постструктуралистским периодом его исследований. Вспомним, что постструктуралистская критика развивалась по таким основным направлениям: проблема структурности, знаковости, коммуникативности и целостности субъекта. В поздней теории Лакана этим основным направлениям соответствуют: концепция Реального и Вещи как внеструктурного элемента, доминирование означающего над означаемым (попытка дезавуировать традиционную структуру знака), нерепрезентационная концепция языка и идея расщепленного, децентрированного субъекта. Таким образом, проблематика лакановской философии более раннего, структуралистского, периода не снимается, а выходит на более сложный концептуальный уровень. Лакан открывает изнанку структуры, как точку самокритики Эдипа и точку самокритики лингвистики. В этой точке «структура, поверх заполняющих ее образов и символики, определяющей ее в представлении, обнаруживает свою изнанку как положительный принцип несвязности, которая ее растворяет: в ней желание приводится к своим молекулярным элементам и ему ничего не недостает, потому что оно определяется как бытие в качестве естественного и чувственного объекта, в то время как реальное определяется как объективное бытие желания...»¹⁰¹. Этот теоретический ход выводит исследования Лакана, условно говоря, на уровень постструктуралистской рефлексии.

¹⁰⁰ Miller J.-A. Profane Illuminations / Lacanian ink., 2006. № 28. P.18-19.

¹⁰¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип. М.,1990. С.40.

В общем плане теория постструктурализма — это установка философского релятивизма и скептицизма, выражение эпистемологического сомнения, являющегося по своей сути теоретической реакцией на позитивистские представления о природе человеческого знания и языка. Эта установка в лакановском анализе научного дискурса и критике гуманитарных наук ярче всего выражена в проблеме обоснования знания и проблеме языка.

Лакан следует за Фрейдом, который исходит из совершенно другой модели языка, чем философы-аналитики. «Фрейд не просто имплицитно создал свое “карманное языкознание”, но выработал альтернативную модель языка, которая сосуществовала полвека с картезианской, и что, более того, он предвосхитил ряд открытий, которые были сделаны лингвистами и лингвистическими философами уже в тот период, когда картезианская модель начала себя исчерпывать»¹⁰². Важным отличием подходов к языку в психоанализе и картезиански ориентированной философии языка состоит в понимании проблемы дескрипций, которая заключена в том, что для психоанализа не существует противопоставления «осмысленный/бессмысленный». Это делает подход к анализу, скажем, языка повседневной культуры более гибким и учитывающим, что истина не есть соответствие внешним объектам, но включает в себя символические выражения «речебытия» субъекта. Истина в психоанализе имеет не корреспондентный характер соответствия высказывания реальности, а скорее, в своем роде экзистенциально-прагматический. Поэтому психоаналитическая истина — это, скорее, истинное бытие, как у Хайдеггера, а не соответствие пропозиции реальному положению дел, как у позитивистов.

Если в рационалистических концепциях язык выступает как носитель информации, как средство коммуникации, то в психоаналитической концепции язык скорее скрывает, чем сообщает. Язык, по

¹⁰² Руднев В.П. Язык и смерть//Метафизика футбола. М., 2001. С. 171.

психоаналитическим представлениям, прежде всего, призван подавить, вытеснить или перенести желание (бессознательный психический импульс, направленный на разрядку психического напряжения), то есть нечто, по существу своему нерасчлененное, недискретное, поэтому и сам язык закономерно представляется недискретным, нерасчлененным и «нелогичным». Точнее, язык этот выстроен в соответствии с другой логикой. Серж Леклер по этому поводу пишет: «Эксперименты показывают, что осознаваемая речь все время продуцируется на основе скрытой диалектики отношений к “иной” речи, организованной согласно иной логике, в которой категории времени, каузальности и принципы противоречия функционируют по-другому»¹⁰³.

Язык в принципе работает в режиме вытеснения — вытеснения той внеязыковой сверхценности, которая одновременно и нестерпима (травматична), и необходима человеку. Сверхценность травмы снимается за счет ее семиотизации, за счет перевода ее в символический язык субъекта с опорой на надсубъективную семиотическую систему с объективно фиксированной структурой запретов и правил семантической сочетаемости. Таким образом, теоретико-познавательная установка лакановского анализа культуры исходит из положения, что бессознательное в любой знаково-символической системе есть индивидуальный язык Я, переместивший чужую семиотическую речь (дискурс Другого) в свой индивидуальный язык — язык, который невозможно понять, не превратившись в этого Другого. Такое «превращение» происходит в ситуации «переноса» в сеансе психоанализа. Это дает основания говорить о том, что такое основополагающее понятие психоанализа как «перенос» наделено гносеологическим значением. Поскольку все формы культуры пользуются знаком как устойчивой коммуникативной единицей, то перенос в его лакановской версии является

¹⁰³ Леклер С. Бессознательное: иная логика// Бессознательное: природа, функции, методы исследования. В 4-х т. Тбилиси, 1978. Т.3. С. 261.

краеугольным камнем в познании того, чем для субъекта является его реальность.

Соотношение между бытием истины и бытием языка в психоанализе парадоксально: язык оказывается одновременно и местом лжи, и средством достижения истины. Следовательно, истина психоаналитического опыта, т.е. межсубъективная истина, которая может быть достигнута лишь средствами языка, вообще не связана с каким-либо конкретным содержанием, а в большей степени является совокупностью некоторых условий, делающих само обозначение возможным. Это вплотную подводит к проблеме обоснования знания, как она представлена у Лакана.

Процесс познания не линейен. Формы познания, его механизмы, орудия и средства являются независимыми от контроля и сознания индивида и как бы живут самостоятельной жизнью. В различных специально-научных областях реальный познавательный процесс оказывается зависимым от факторов, которые не только преломляют и опосредуют познавательное отношение человека к миру, но даже как бы препятствуют самому процессу познания (сопротивление). Возникающая в этой связи проблема языка не является чисто лингвистической проблемой. Она возникает в процессе осознания роли языка как материала любой исследовательской работы, как основного средства фиксации ее процесса и ее результатов. Проблема языка связана с широким научным интересом к предпосылочности познания, к его многократному опосредованному характеру. В связи с этим проблема обоснования знания обнаруживает стремление соотнести знание не с центрирующей, синтезирующей субъективностью, как это делалось в концепциях немецких идеалистов, а со знаковыми системами, через призму которых дается объект.

Лакановскую трактовку обоснования знания от концепций классической философии отличает несколько принципиальных моментов:

1. В отличие от классических концепций обоснования знания, не учитывающих преломляющего воздействия социально-культурных факторов, важной в эпистемологии Лакана является установка на то, что любые факторы духовно-практического бытия человека не замкнуты друг на друга непосредственно, их опосредует общая структура социального целого.

2. Философы классического периода исходили из представлений о вневременной и бесконечной способности человека к познанию, а телесно-аффективные аспекты его существования воспринимались как досадное ограничение этой бесконечной мыслительной способности. Лакан настаивает на своеобразной эпистемической укорененности знания в «донаучных» слоях опыта и его специфической дискурсивности. Получается, что над слоем первоначального структурирования и упорядочивания надстраивается наука, заново обосновывая в формах теоретического сознания исходные модальности первоначального опыта.

3. Если в классической эпистемологической программе речь идет о чистом мышлении, беспрепятственно приводящем в движение всеобщий каркас познавательных возможностей индивида, то Лакан говорит о мышлении в бытии и о бытии мышления, то есть о тех специфических закономерностях, которым подчиняется развертывание того и другого в различных областях социальной и культурной жизни.

Лакан пересматривает сциентистские основания теории Фрейда, и выводит психоаналитическую теорию на новый эпистемологический уровень. Теоретико-познавательные условия психоанализа, согласно лакановской теории, обусловлены тем, что главным содержанием психоаналитического опыта является язык и речь. Это же обстоятельство подводит к необходимости размежевания с психологией как теорией, подражательно ориентированной на методы естественных наук. Соответственно, концепции психологии культуры пересматриваются

Лаканом с принципиально иной эпистемологической позиции, задача которой — выяснить, в какой мере субъект бессознательного является творцом культурных форм и содержаний, а субъект сознательного Я — их функционером.

В той мере, в какой все культурные формы пользуются знаком как устойчивой коммуникативной единицей, опыт познания необходимо рассматривать наравне с другими видами человеческого опыта формализованного в языке. Язык и речь — эмпирический материал познания.

Анализ Лакана выстраивается на отличной от позитивистской трактовке языка, то есть как *речебытия* субъекта. Это приводит к пониманию того, что процесс познания, чтобы быть адекватным, должен включать в себя понятие сопротивления, переноса, т.е. принципиально субъективные элементы. Это предполагает радикальное усложнение эпистемологической задачи: раскрытие в субъект-объектных отношениях его субъект-субъектного уровня.

Обоснование знания и самого по себе, и как системы представлений о культуре не может быть рассмотрено как результат «чистого мышления», но должно быть проблематизировано как то, что предстает расщепленным и укорененным на двух онтологических уровнях: на до-языковом слое опыта и слое его специфической дискурсивности.

Оригинальность лакановской методологии, новаторство в подходе к трактовке онтологических и эпистемологических проблем, в соединении с необычной трактовкой классических философских понятий и введением новых, рождает критику, новое понимание и интерпретацию философских и психологических проблем культуры и ее форм.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое эпистемологический статус наук?

2. Какие критерии эпистемологического статуса для естественных наук вы знаете?
3. Назовите критерии эпистемологического статуса для гуманитарных наук?
4. В чем проблема эпистемологии психоанализа?
5. Перечислите критические аргументы приводимые против того что психоанализ это наука? (аргументы Грюнбаума, Витгенштейна и других)
6. Какие факты обосновывают претензии психоанализа на эпистемический статус? (Автономова, Патнем и другие)
7. Какова специфика эпистемического статуса психоанализа? Чем она объясняется?
8. Сравните эпистемологию философии и психоанализа.
9. Сравните эпистемический статус психологии и психоанализа?
10. Чем, в конечном счете, является психоанализ- наукой, философией, психологией, искусством? Свой ответ обоснуйте.

Задания для самостоятельной работы

1. Выпишите все аргументы за научный статус психоанализа и против. Какие собственные аргументы за и против вы могли бы добавить?
2. Напишите эссе о развитии взглядов на эпистемологию в истории- философии.

Рекомендуемая литература по теме 2.

1. Автономова Н.С. К спорам о научности психоанализа// Вопросы философии, 1993, № 4. С.58-75.
2. Грюнбаум А. Сто лет психоанализа: итоги и перспективы// Вопросы философии, 1997, №7. С.85-99.
3. Лекторский В.А. О некоторых философских уроках З. Фрейда//Вопросы философии, 2000, №10. С.4-9.

4. Поппер К. Логика и рост научного знания/ Пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. – 608 с.

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО